

Новый роман от восходящей звезды Young Adult

Артур

Луи

Адели

Дана Делон

Trendbooks

Дана Делон

Артур, Луи и Адель

«Издательство CLEVER»

2019

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Делон Д.

Артур, Луи и Адель / Д. Делон — «Издательство CLEVER»,
2019 — (Trendbooks)

ISBN 978-5-00154-279-7

Артур, Луи и Адель познакомились однажды летом на юге Франции и с тех пор каждые каникулы проводили вместе. Беззаботные дни, звездные ночи, запах соленого моря, счастливые улыбки и... первая любовь. Только Адель не помнит этого. Несчастный случай забрал у нее все до единого воспоминания. Что останется от человека, если лишить его памяти? Адель не может жить дальше, пока не узнает правду. Что скрывает ее прошлое? Знает Артур, но он не готов рассказать. Молодой человек уверен: порой воспоминания страшнее неведения. Адель ничего не помнит, Артур помнит все, а Луи расскажет, как все было.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-00154-279-7

© Делон Д., 2019
© Издательство CLEVER, 2019

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	19
Глава 3	32
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Дана Делон

Артур, Луи и Адель

© Дана Делон, 2020

© ООО «Клевер-Медиа-Групп», 2023

© Magdalena Wasiczek / Trevillion Images

* * *

*Hey, there's nothing left to say
The world is on fire and I love you,
I love you.
Hey, some things never change.
The world is on fire and I love you,
I love you...*

Моему Артуру.

Глава 1

Луи

В моем окружении чаще всего встречались два типа людей. Первые – равнодушные. Им было все равно, что происходило в моей жизни, они плевать хотели на мои проблемы, горести, невзгоды. Они никогда не протянули бы руку помощи, потому что слишком черствы, холодны и безразличны. Предметом их мыслей, интересов и занятий всегда являлись они сами.

Мне нравился такой тип людей только по одной причине: они не учили жить, не лезли со своими нравоучениями и правилами. Для них я просто-напросто не существовал, поэтому они смотрели сквозь меня. А еще рядом с ними было очень одиноко. Так и хотелось крикнуть: «Эй, гляньте, я здесь! Я запутался, и мне нужна помощь». Но в ответ они сказали бы, что все запуталось, всем нужна помощь, поэтому, будь добр, разгребай свое дерьмо сам. Не можешь? Тогда сдохни. Сдохни в собственном дерьме! И даже это их не тронуло бы, ведь им все равно. Их нельзя было попросить принять меня таким, какой я есть, ведь невозможно принять то, что для тебя не существует. Меня нет. И на этом точка.

Для второго типа людей я никогда не был достаточно хорош. Они думали, что лучшие всех знают, как жить правильно. Они лезли без спроса в мою жизнь и без всякого стеснения критиковали. Даже если я просто дышал, в их понимании это должно было делаться иначе. Косые взгляды, поджатые губы и тихий шепот: «Что можно ждать от сына двух торчков?» Такие люди всегда готовы были помочь и направить меня на путь истинный, но ведь я сам был слишком глуп, чтобы воспользоваться их добротой. По их версии, разумеется. Для них был приемлем только тот вариант, в результате которого я обязательно должен был измениться. Принимать меня тем, кем я был, они бы точно не стали. Я же неправильный. Они бы рады скроить меня по своему подобию, только я из второсортного, испорченного материала. Постепенно понимая свое поражение, они переходили в первую категорию – безразличных.

Среди всего этого равнодушия и презрительной критики у меня были Адель и Артур. Невероятные друзья, которые заменили мне не только близких, но и весь мир, став моей личной галактикой.

Последние несколько лет мы проводили летние каникулы в доме на юге Франции. Это стало нашей традицией. Я жил и считал дни, месяцы, недели до того момента, когда вновь смогу увидеть своих друзей и обрести семью. Мы все с нетерпением ждали этого времени, чтобы снова побыть счастливыми и беззаботными.

Трех одиноких молодых людей смогла связать настоящая, истинная, подлинная, всепрощающая дружба.

Адель

Пять месяцев назад

Больше всего на свете я ненавижу, когда мной пытаются манипулировать родители. Анна и Жан-Поль де Флориан – мои мама и папа – мастера этого дела. Чаще всего они сравнивают. Мама делает это менее умело, чем папа. Более резко и всегда в негативном ключе: «Когда я была в твоём возрасте, я была лучше, умнее, серьезнее, ответственнее и никогда себе такого не позволяла». Так и хочется, бывает, крикнуть, что я не она.

Или же мама начинает рассказывать про идеальных дочек своих подруг: наверное, тем самым она пытается достучаться до моей совести, но, увы, я давно поняла, что никогда, ни при каких обстоятельствах не буду достаточно хороша для них. С папой дело обстоит сложнее: он политик, поэтому более хитер и всегда, наоборот, возвышал меня над остальными – мол, я самая лучшая, умная и далее по списку. Этакая идеализация меня в моих же глазах. Когда я была поменьше, я изо всех сил старалась соответствовать этому идеалу. Быть самой лучшей всегда и во всем ради него. И меня так пугала перспектива разочаровать своего родителя, упасть с воздвигнутого пьедестала, что я переступала через себя, свои интересы, мечты, желания ради его похвалы. В какой-то момент я поняла, что его одобрение для меня – как та морковка на веревочке перед ослиным носом.

Глупое животное видит предмет своей мечты, уже предвкушает, как с хрустом откусит, как смачно будет жевать, наслаждаясь вкусом. Но, увы, у наездника другие планы: он не хочет, чтобы морковка была съедена, он лишь хочет, чтобы осел шел в нужном ему направлении. Самое страшное происходит, когда осел отказывается идти, ему уже не нужны все морковки мира. Он устал от вечного вранья и чувства разочарования. В этот момент наездник показывает свое истинное лицо: он начинает указывать, заставлять, использовать свою власть. Но он даже не представляет, насколько свободнее ты себя ощущаешь, сказав наконец заветное: «Нет, я не буду больше твоей куклой, не хочу твоей похвалы, и вообще засунь свою долбаную морковку себе в зад – я выросла из этих глупых манипуляций. Я больше ни за что на свете вновь не поставлю себя в то жалкое положение, я больше не буду добиваться твоего одобрения, а пьедестал самой лучшей сожгу и уничтожу собственноручно».

Я со злостью застегиваю чемодан, который мне велели распаковать, и проверяю время: ровно 16:00. Мой поезд отправляется в пять часов, а мне еще нужно доехать до Лионского вокзала. Меня в очередной раз заперли в комнате. Видите ли, моим родителям не нравится место, где я планирую провести лето. Папочка, мечтающий о poste президента, и мамочка, которая бежит за ним собачонкой, считают, что для их дочери неприемлемо проводить каникулы с двумя парнями, которые старше ее на четыре года. И я бы могла все списать на родительскую заботу, но здесь абсолютно другой случай.

– Ты не поедешь в дом этого наркомана! – грозно приказывает папа, как только дело близится к лету.

Ему неважно, что Луи не притрагивается даже к травке, да что там говорить, он практически не пьет. Но папе все равно, он судит его по родителям. Как и большинство людей нашего круга. Но чего они не знают, так это того, что Луи в сто раз лучше их богатеньких, избалованных, холеных деток. Он настоящий, искренний, у него есть сердце, что так редко встречается в нашей гнилой среде. Доброе, понимающее и сострадающее.

– Что у тебя с этим боксером?! – частенько вопит мама, имея в виду моего второго друга Артура.

Про него отец даже не говорит, одного взгляда хватает, чтобы понять: он считает ниже своего достоинства даже произносить его имя. Ведь такие, как Артур, нам не ровня. Он бедный парень из гетто¹, который не окончил школу, решив собственными кулаками пробить себе лучшую жизнь в прямом смысле этого слова.

– У всех, кто занимается боксом профессионально, насквозь пробита голова. Они же тупые. Что может быть у тебя общего с таким парнем? – Вопль номер два, принадлежащий моей мамочке.

¹ Гетто – часть крупного города, отведенная для проживания социальных меньшинств, как правило бедного населения, например беженцев, эмигрантов и т. п.

Что я нашла в нем? Мужественность, честность, сильный характер, прямоту суждений и... я нашла в нем столько всего, мама, что не описать словами. Нечто такое, чего ты наверняка никогда и не знала. Ведь в твоём мире управляют здравый смысл и выгода.

Что может у меня быть с ним общего? Ничего. Мы две противоположности, познающие друг через друга что-то новое и необъяснимое. И конечно, я не могу озвучить все это вслух, ведь им неважно, что я чувствую. Гораздо значительнее то, какая тень на мою репутацию падает из-за этой дружбы. А репутация в нашей семье – нечто настолько сакральное и неприкосновенное, что они готовы запереть меня в комнате до конца лета, лишь бы я вновь не уехала.

Как же я сейчас ненавижу родителей и то окружение, мнения которого они так боятся! Кучка лживых снобов, узко мыслящих зазнаек с грандиозными амбициями и чувством собственной важности.

Три года назад родители спланировали меня на юг Франции к моей бывшей няне Розе. У отца были серьезные собрания и куча дел, возиться с моими подростковыми бунтами никто не хотел. Вникать в то, что Роза – экономка в доме Луи, никто не стал, вникать в список друзей Кантеля и подавно. В противном случае в будущем у них не было бы сюрприза в лице этих двух парней. То лето было лучшим в моей жизни, я наконец нашла настоящих друзей. Нет, я обрела семью. Мы договорились сделать это нашей традицией, всегда проводить лето вместе. Отдыхать от сложного мира, забывать на время о проблемах, сосредоточившись на лучшем. А лучшим была наша дружба, как бы мои родители ни пытались смешать ее с грязью: задавать нелепые вопросы о том, что нас троих связывает, намекать на идиотские вещи. Наша дружба светлая, добрая, честная. И я ни за что на свете, ни при каких обстоятельствах, в угоду ни одному человеку на этой земле не перестану с ними дружить.

Нервно переминаюсь с ноги на ногу, ведь каждое лето одно и то же: родители пытаются остановить меня. Крича об имидже семьи и о тени, которую я бросаю на них. Но в этом году все зашло слишком далеко: меня закрыли в собственной комнате, и я не представляю, что мне делать. На часах уже 16:15. Нервно кусаю губу и растерянно оглядываю комнату... У меня забрали телефон и ноутбук, я не могу предупредить парней, рассказать им, как со мной поступили. На глазах выступают слезы, но вдруг я слышу легкий скрежет, а затем вижу светлую макушку. Мой брат Марсель аккуратно открывает дверь моей комнаты, стараясь не скрипеть. Прикладывает палец к губам в немой просьбе о тишине. На цыпочках подходит ближе и шепчет:

– Выходи с черного хода, на углу тебя ждет такси. – Он сует мне в руку несколько купюр и просит поторопиться.

Меня не надо просить дважды, я быстро обнимаю его и тихо произношу:

– Спасибо.

Мой младший братик – единственный из всей родни, кого я считаю своей семьей. Его голубые глаза поглядывают на меня с легкой усмешкой, он берет меня за руку и выводит из комнаты.

– Беги, Адель, – тихо напутствует он, – отличных тебе каникул!

Я целую его в щеки, прощаюсь и тихонечко мчусь к черному ходу. На часах 16:18, а это значит, что у меня все еще есть возможность успеть на поезд. «Ты мой маленький ангел-хранитель», – думаю я о Марселе, когда успеваю впрыгнуть в вагон ровно в 17:00. И знаю, что через четыре часа на юге Франции меня встретят два других ангела-хранителя. Луи и Артур. Моя семья.

Артур

Наши дни

Сквозь сон до меня доносятся хлопки окон и дверей – я оставил окна открытыми нараспашку, и теперь в моей комнате бушует сквозняк. По телу бегут мурашки от холода, но мне так отчаянно хочется спать, что я ныряю с головой под одеяло и, вновь обретая тепло, проваливаюсь в забытие. Я снова вижу ее глаза, они темно-карие, почти черные, зрачок сливается с радужкой, отчего взгляд кажется глубоким и проникновенным. Они такие большие, задумчивые, мне всегда казалось, что она видит меня насквозь. Вот и сейчас она смотрит прямо внутрь меня и беззвучно зовет: «Артур». Я не слышу ее голоса, я лишь вижу, как полные потрескавшиеся губы произносят мое имя. Сердце сжимается. Я хочу открыть глаза и прекратить эту пытку, созданную моим же сознанием, но не могу себя заставить. Я не могу перестать смотреть на нее, мне хочется протянуть руку, дотронуться до ее лица, нежно погладить по каштановым волосам, обнять и сказать ей, что я рядом. Но она всего лишь мне снится. Три месяца назад я забыл, что такое крепкий полноценный сон. Последнее время я лишь пребываю в бредовом состоянии, когда не могу уснуть, но усталость берет свое и погружает мозг в некую прострацию. Голова кипит, мне не хватает воздуха под одеялом, но, как только я начинаю его приоткрывать, неприятный холодный ветер бьет в лицо, отчего я окончательно перестаю хотеть спать. Окончательно теряю Адель и ее проникновенный взгляд.

Повышенная тревожность, как сказал мне психолог в тюрьме, в которой я пробыл три месяца за нападение. Меня выпустили вчера, выдали справку о судимости и пожизненный запрет на приближение к Адель де Флориан. Девушке, которая снится мне каждую ночь. Документы лежат на кухонном столе. Они реальны. Так же как и мое пребывание в местах лишения свободы. Мне иногда кажется, что я сплю и дикая реальность вокруг является лишь плодом моей больной фантазии.

Все произошло чересчур быстро, моя жизнь слишком стремительно пошла под откос. Так резко, что у меня даже не было возможности очнуться и осознать происходящее. Но пустота внутри меня реальна, так же как и все мои проблемы. Есть те, что видны окружающим: например, мне двадцать три года, я бывший перспективный боксер, который мечтал однажды стать абсолютным чемпионом мира. Я не окончил школу, не поступил в университет, я потратил всю свою юность на тренировки. Сейчас же у меня судимость, моя спортивная карьера пошла под откос, но все, что я умею, – это лишь махать кулаками.

Бокс – очень жестокий спорт, ты очень тяжело карабкаешься вверх, а затем в одну секунду оказываешься на самом дне. И вот тебе все приходится начать сначала. Загвоздка лишь в том, что я не знаю, как начать... Есть и те проблемы, что мучают мою душу. Например, вопрос, который сжимает все внутри меня и разрывает нутро пополам. Как жить с сознанием, что не можешь подойти к человеку, которого любишь? Это гораздо страшнее судимости и несбывшейся спортивной карьеры.

Резко встаю с постели и быстрыми шагами направляюсь в крошечную ванную. Открываю кран и слышу, как шумят старые трубы. А после жду, чтобы вода стала достаточно холодной, и подсовываю под струю лицо. Мне нужно остыть, прийти в себя, собраться. Нельзя раскисать, нельзя мириться с проигрышем. Нужно бороться из последних сил.

Слышу тихий, осторожный стук в дверь.

– Сынок, все хорошо? – спрашивает мама, не в силах скрыть волнения в голосе.

Все хуже не бывает, и я не знаю, как найти выход... Я не знаю, как жить в ладу с собственной совестью. Но я молча вытираю лицо и, собравшись с мыслями, открываю дверь. Мама смотрит мне в глаза, и я знаю, что она видит, насколько я потерян. Я стараюсь ободряюще улыбнуться, но чувствую, что выходит крайне неправдоподобно.

– Я приготовила завтрак, но не смогу с тобой посидеть, у меня смена в магазине. – Она приподнимает руку и нежно поглаживает меня по щеке. – Я так рада, что ты дома, – поломанным голосом произносит она и тут же отворачивается, стараясь скрыть слезы.

Я ловлю ее руку, целую, а после притягиваю к себе и обнимаю.

– Я тоже очень рад, – тихо говорю я, поглаживая ее по спине.

Я никогда не знал своего отца, у меня всю жизнь была только невероятно любящая мама. И меня съедает совесть за то, что я позволил ей пережить. Она целует меня в щеку прямо как маленького ребенка, последний раз проводит рукой по волосам и с грустной улыбкой выходит из квартиры. Я всегда мечтал, чтобы она смотрела на меня с гордостью. Мечтал помочь ей выпутаться из бедности, сверхурочной работы и той жизни, которую она влачит. Но все мои мечты пошли прахом.

Есть совершенно не хочется, но я заставляю себя проглотить омлет, который мне приготовили с любовью. На сегодня у меня весьма простой план: найти работу. Я планировал обойти все спортивные залы, предлагая свои услуги. Возможно, помимо судимости, работодатели обратят внимание на мои боксерские данные. Костяшки моих пальцев покрыты корочкой – так бывает, когда разбиваешь их в кровь. Это, конечно, уменьшит шансы, но попробовать стоит. Нельзя сидеть на месте и ждать, когда все наладится, так как ничего не наладится само по себе. Выглядываю в окно: на улице серость и полнейшее уныние. Я так надеялся, что это место больше никогда не будет моим домом. Но у судьбы свои планы.

Здесь ничего не меняется. Шампиньи-сюр-Марн – пригород Парижа. Преступное гетто. Бетонные муравейники, серые безжизненные коробки, здесь чувствуешь себя угнетенным. В то время как молодежь из более обеспеченных семей сидит на террасах парижских кафе, подрастающее поколение в гетто сбивается в банды. Проституция, оборот наркотиков, воровство, убийства, нападения. В месте, откуда я родом, нет сказок о розовых пони, добрых принцах и прекрасных принцессах. Есть лишь отвратительная реальность людей, где ради денег готовы на все.

Я всегда мечтал оказаться как можно дальше от этих трущоб. Пять лет назад мне казалось, что моя мечта сбылась. Когда мне было восемнадцать лет, Хуго, мой тренер по боксу, сказал, что нам необходимо тренироваться в Штатах. Лучшие залы, высокий уровень подготовки, все чемпионы занимаются именно в США. И мы поехали в Сан-Франциско. Мне открыли визу на пять лет как перспективному боксеру. А Хуго отказали: прошлое у него не самое чистое. Но каждый гражданин Евросоюза имеет право безвизово приехать в Штаты и находиться там в течение трех месяцев на законных основаниях. Хуго приехал и не вернулся. В Штатах он сходил к адвокату, который помог ему с кое-какими бумагами. Я особо не вникал в дела тренера, но понял, что во Францию он сможет вернуться не скоро, а он и не хотел.

В Штатах у нас двоих началась новая жизнь. Мы участвовали в турнирах по стране, я выигрывал. Я даже привык к жизни в Сан-Франциско, изредка навещал маму, которая была за меня счастлива, а лето проводил с Луи и Адель. Но жизнь порой переворачивается с ног на голову. И вот я снова здесь, моя жизнь перечеркнута. С судимостью мне вряд ли вновь откроют визу, плюс ко всему я вылетел из боксерского клуба. И мне вдруг становится страшно, что я и сдохну в этом месте, в этих трущобах. Трясу головой, прогоняя слабость. Соберись, ты еще не все проиграл. Повторяю, как мантру, эти слова. Ты не проиграл, пока сам не решил, ты не проиграл, пока не разрешил своему оппоненту выиграть, ты не проиграл, если все еще готов бороться.

Быстро одеваюсь и выхожу из квартиры. Стены подъезда расписаны новыми граффити, запах мочи невыносим. Я перескакиваю через ступеньки, стараясь как можно скорее покинуть этот смрад, и, выскакивая из дома, резко останавливаюсь. Прямо перед моим подъездом стоит «мерседес» представительского класса. Я не один, как истукан, рассматриваю черный, до блеска вылизанный каркас, мне кажется, глаза всего района направлены в его сторону. Он не вписывается, он здесь чужой. Я не раз видел такие машины, но то были другие места, другой мир, в который однажды я хотел попасть. Дверь открывается, и мне навстречу идет водитель. Мужчина средних лет в отутюженном черном костюме – по нему видно, что он нервничает. Еще бы, даже утром здесь далеко не безопасно. Ради такой тачки его убьют голыми руками.

– Месье Артур Бодер? – спрашивает он натянуто вежливым тоном.

– Зачем он вам? – Я натягиваю капюшон и ускоряю шаг.

Нет ни одного человека на этой земле, который заехал бы за мной на такой машине. Неприятное предчувствие и желание не влезать больше ни в какие проблемы подстегивает меня, и я начинаю поспешно удаляться.

– Это касается моей сестры Адель, – доносится мне в спину, и, не в силах контролировать порыв, я оборачиваюсь.

Светловолосый, голубоглазый, с виду ему лет шестнадцать-семнадцать, точный возраст не помню, я лишь видел его на снимках в телефоне Адель...

– Марсель, здесь небезопасно, – неловко начинает водитель, но парнишке все равно, он уверенным шагом направляется в мою сторону.

– Я заплачу тебе сверхурочные, – тоном, не терпящим возражений, говорит он водителю и внимательно разглядывает меня.

– Ей нужна твоя помощь.

Я столбенею, в голубых глазах моего собеседника появляется неуверенность, но он тут же приподнимает подбородок, стараясь скрыть истинные чувства. У меня же нет слов, оцепенение пронзает все тело. Марсель изучает меня, бросает быстрый взгляд на мои костяшки – сувениры из тюрьмы, я инстинктивно прячу руки в карманы.

– Адель де Флориан – это имя тебе знакомо? – хрипло спрашивает он, изучая мою реакцию.

– Знакомо, – коротко отвечаю я.

– Тогда садись в машину, нам есть о чем поговорить.

Я недоверчиво посматриваю в сторону автомобиля. И мальчишка насмешливо ухмыляется:

– Ты что, боишься?

Я обдаю его ледяным взглядом:

– Приперся в мой район на такой тачке, мажор, и спрашиваешь у меня, боюсь ли я?

Марсель не дрогнув, молча разворачивается и идет к машине. Парень уверен, что я последую за ним, и он, как никогда, прав. Я сажусь на заднее сиденье и громко хлопаю дверью.

Машина трогается с места, а в салоне становится слишком тихо.

– Ты что-то говорил про Адель? – спрашиваю я, нарушая молчание, не в силах сдержать любопытства.

Пульсация моего сердца отдается в ушах, а по спине бежит нервная дрожь.

Парнишка смотрит на мою правую руку, на которой практически нет живого места.

– Ты правда один вырубил пятерых охранников в больнице? – интересуется он.

Я тяжело вздыхаю и киваю:

– Правда.

Повисает очередная пауза, а моя голова вновь погружается в воспоминания того вечера. Я помню его смутно. Подробности стерлись, осталось лишь ощущение страха и беспомощности. Я сидел на веранде, жутко нервничал и думал о Луи. Я был настолько шокирован его поступком, что пытался найти хоть какое-то объяснение происходящему, но у меня ничего не получалось. Затем я помню, как мне сообщили об аварии, после я каким-то образом оказался в Ницце и нашел ту самую больницу, куда отвезли Адель. Помню, как ужас сковал мое сердце, когда я шел по коридору в палату, где она должна была лежать, и мои руки тряслись. Но там был ее отец, который, увидев меня, тут же попытался прогнать. Еще бы! Политик, мечтающий о poste президента, не раз говорил своей дочери не водиться с проблемным парнем из гетто. Я ему никогда не нравился, впрочем наши чувства были взаимны.

Но я не мог просто взять и уйти – только не после случившегося. Я не мог развернуться и оставить ее одну в этой палате. Я попытался объяснить заботливому папаше, что никуда не

уйду. А он позвал охрану, и, возможно, я бы ушел, решив, что обязательно зайду позже. Но из палаты Адель слышалось громкое и надрывное: «Артур!» Она звала меня так отчаянно, так оглушительно, так неистово. Я, теряя терпение, попросил пропустить меня. Мне начали объяснять, что в палату имеют право заходить лишь члены семьи. И среди всеобщих споров, доводов, упреков и указаний катиться к чертям собачьим был слышен крик Адель... она продолжала звать меня. Ее крик до сих пор звенит в моих ушах. В какой-то момент я попробовал прорваться к ней, но один из охранников схватил меня за плечо и резко дернул назад. «Артур!» – звенело на весь коридор, но уже тише. Я слышал, как врачи говорили об уколе и успокоительном. Во мне проснулась такая злость! Я лишь хотел увидеть ее и убедиться, что с ней все в порядке. Но меня лишили такой возможности. Я не помню подробностей драки, я лишь знаю, что каждый человек в этом здании, попытавшийся остановить меня, горячо пожалел об этом. А затем меня забрала полиция, после было слушание, далее тюрьма. И я так и не увидел Адель.

– Ей очень нужна твоя помощь, – обрывая поток моих воспоминаний, говорит Марсель. Я сжимаю челюсть и сцепляю руки в замок.

– Послушай, я не знаю, зачем ты пришел, но, возможно, ты не в курсе, что у меня пожизненный запрет на приближение к твоей сестре.

Парень, поджав губы, кивает:

– Я все это знаю, но проблема в том... – Он запинается. – Она сходит с ума. Она не в себе. Мое сердце замирает, но я не успеваю задать ни одного вопроса.

– Пожалуй, начну по порядку, – отворачиваясь к окну, говорит он. – После того как тебя скрутили в больнице, Адель пришла в себя, и выяснилось, что она ничего не помнит. У нее амнезия, стерты абсолютно все воспоминания с раннего детства. Она не помнит ни тебя, ни себя – словом, ничего. Но она зовет тебя ночами, – насупив брови, тихо произносит он, – тебя и Луи. В какой-то момент она начала бесконечно выпытывать у родителей, были ли у нее знакомые с такими именами. И однажды мама ей все рассказала, но Адель так разнервничалась, у нее из носа пошла кровь, а потом она грохнулась прямо на пол в гостиной и очень сильно ушибла руку, спину и голову... Но самое страшное: она вновь все забыла. Психотерапевт говорит, что мозг Адель таким образом защищает ее от травмы. Поэтому в нашей семье больше никто не рассказывает ни о тебе, ни о Луи. Но она... – Марсель опускает голову, – каждую ночь кричит ваши два имени. Каждую божью ночь она бьется в истерику. Я не знаю...

Перед глазами темнеет. Я приподнимаю руку, обрывая его, и опускаю голову на колени.

– Останови машину, – грубо прошу я, пытаюсь выровнять дыхание.

Водитель выполняет мою просьбу: включив аварийку, он останавливается на обочине. Я выпрыгиваю из машины, и меня начинает выворачивать. Чертов омлет, который я заставил себя проглотить, вода, которую выпил, ощущение, что вместе со всем этим я выплевываю и собственные кишки. «Она ничего не помнит, ни тебя, ни себя... каждую ночь она бьется в истерику...» Когда я сидел в тюрьме, я успокоил себя тем, что, если она захочет, сама найдет меня, напишет мне, придет повидаться. Адель никогда не была послушной, если бы она хотела меня увидеть, никакой запрет бы не помешал ей это сделать. Но за три месяца от нее не было никаких вестей, тогда я решил, что, возможно, она приняла решение не знать меня, вычеркнуть из жизни. И я бы понял, после всего случившегося я бы с большей охотой принял такое ее решение, а не потерю чертовой памяти. В голове не укладывается... Марсель стоит рядом и аккуратно подает мне воду.

– Родители думают, что все наладится. Но я знаю, что нет. Пару недель назад она резала себя. Видел только я... но ты понимаешь? Она резала себя канцелярским ножом.

Трясущими руками я забираю пластиковую бутылку и, судорожно вдохнув, делаю глоток. Я молчу, стараюсь подавить судороги в теле и обрести голос.

– Как это «резала себя канцелярским ножом»? – тяжело дыша, наконец хрипло спрашиваю я.

Видимо, мой вопрос кажется ему глупым и неуместным.

– Она не помнит ни себя, ни своего тела, ни своей жизни, она сходит с ума! Что тут непонятного?! – неожиданно взрывается Марсель и смотрит на меня большими, полными страха глазами. – Я не знаю, как ей помочь! Я ничего не знаю о ее жизни. Ни о ваших проведенных вместе каникулах, ни о вашей дружбе, ни о том, почему случилась та авария! Ничего! Но ты... – Он тычет в меня пальцем и злобно щурится. – Ты в курсе всего. Ты знаешь то, чего не знают даже наши родители. Я помню домашние скандалы, когда отец попробовал не пустить ее к вам летом. Она кричала, как никогда в жизни, что дороже тебя и Луи у нее никого нет! Она жила в ожидании этих летних месяцев. У нее в комнате висел календарь, и она зачеркивала каждый день, а лето было обведено ярко-красным. – Марсель устало облокачивается на машину. – Если ты ей не поможешь, она окончательно спятит!

Я закрываю глаза и сминаю пластиковую бутылку в руках. Хочется кричать и крушить. Сжимаю кулаки и чувствую, как натягивается кожа на ранах. Адель... ее образ вспыхивает в голове. Искренняя улыбка, громкий смех, прямой, дерзкий, заглядывающий в самую душу взгляд. Я помню ее запах, ощущение кожи под своими пальцами, изгибы фигуры и то, как она произносит мое имя. «Артур» в ее устах всегда звучало особенно, она будто произносила молитву. Я был готов защитить ее от всего мира, без всякого сожаления растоптать, уничтожить каждого, кто хоть немного расстроит ее. Адель была в этом мире моим храмом, моей святыней.

– Как ты хочешь, чтобы я помог ей? – рычу я. – У меня запрет на приближение... – Я резко замолкаю и швыряю бутылку. – Если я нарушу его, мне грозит пять лет тюрьмы...

Парнишка остается невозмутимым.

– Она не помнит тебя, не знает про запрет, значит, не сможет рассказать о его нарушении.

Я тяжело вздыхаю и тру глаза, а Марсель продолжает:

– Послушай, я знаю, что это опасно. Но давай она один раз тебя увидит? Просто увидит. Вдруг ей это поможет... вдруг в ее голове что-то кликнет? Я лишь прошу у тебя одну встречу. Я знаю, ты хочешь ей помочь. Я знаю, она тоже дорогой для тебя человек. Ты, в конце концов, устроил такое в больнице просто потому, что тебя отказывались пускать в палату.

– Как ты себе это представляешь? Как именно мы с ней встретимся?

Марсель достает из внутреннего кармана куртки одноразовый мобильник² и подает его мне.

– Ее одну никуда не пускают, но скоро будет важное мероприятие, мы всей семьей должны присутствовать. Ты тоже будешь там, я проведу тебя через черный ход и что-нибудь на месте придумаю – по обстоятельствам. Держи телефон при себе, будем на связи.

– А если твой отец узнает об этом?

Взгляд Марселя становится более жестким, в голубых глазах сверкает нечто недоброе.

– Мы провернем все грамотно, он не узнает. А если случится прокол, то это дело на мне.

Я качаю головой – маленький засранец не проводил последних три месяца в тюрьме. Он не знает, насколько меня пугает перспектива остаться закрытым на пять лет. Но образ Адель не дает мне покоя. Она потеряла память... Я не смогу смириться с собственной совестью, если ничего не сделаю. Скорее всего, когда она все вспомнит, она возненавидит меня, как никого и никогда, но я не смогу смотреть в зеркало, зная, что с ней такое творится, а я даже не попытался помочь. Одна встреча может окончательно разрушить всю мою жизнь. Но я не могу пройти

² В Париже в обычных ларьках для туристов продаются такие «одноразовые» телефоны, с которых можно лишь звонить и обмениваться эсэмэс. Интернета на них нет, регистрация не нужна. Напоминают кнопочные телефоны 2000-х годов в России. На телефонах указан оператор, можно выбрать количество минут для разговора и эсэмэс.

мимо, не могу не попытаться. Я молча беру мобильник, гадая, во что в итоге это все выльется. Тихо молюсь, чтобы следующие пять лет я провел на свободе. А затем, приподнимая голову, выпрямляю спину и мысленно шлю все к черту. Правила и устои, страх и ее тупого папашу с его связями. Адель нужна помощь, а это значит, что я помогу ей. И пусть все вокруг горит синим пламенем, и я в том числе.

Адель

Вода стекает по незнакомому мне телу. Разумеется, это мое родное тело, но я не уверена. Ни в чем. Я смотрю на свою кожу, изучаю ее цвет, гладкость, кое-где шероховатости, вглядываюсь совсем близко и вижу маленькие точки, должно быть поры. И говорю себе: «Это моя кожа... моя». Я провожу пальцем вдоль локтя, приподнимая его, и смотрю на маленькие шрамы. И я не помню, как их получила, откуда на моем колене маленький рубец или на указательном пальце крошечный след от ожога. Я ничего не помню. Амнезия – страшная штука.

Тело человека – это его обложка. Оно словно рассказывает, через что он прошел и какие трудности повстречал. Но моя обложка без содержания. У меня смутное ощущение, будто я сплю и все, что происходит со мной в реальной жизни, лишь некая матрица, нечто навязанное, неестественное, не имеющее правдивой реальности. Я долго мою голову, мои волосы покрывают всю спину, они прямые, тяжелые, густые, насыщенно-каштанового цвета. Я перекладываю мокрые пряди на грудь и внимательно рассматриваю. Они кажутся сейчас совсем черными. Я родилась с такими волосами? Всю жизнь хожу с ними? Почему у меня ощущение, словно кто-то обманывает меня и старательно пытается скрыть правду? Даже цвет волос – то, что я вижу собственными глазами и в чем должна быть уверена на миллион процентов, – сейчас кажется мне не моим. Я никому об этом не говорю: ни своему лечащему врачу, ни психотерапевту, ни родителям. Я не верю никому из них. Я чертов параноик, который твердо решил, что весь мир ополчился против него. И я не знаю, с кем поделиться, кому задать изматывающие меня вопросы и кому доверять.

Выйдя из душа, я смотрю на себя в зеркало. Интересно, много людей на этом свете, которые, глядя на свое отражение, не узнают себя, а изучают по-новому? Я должна была уже привыкнуть к себе – прошло уже несколько месяцев. Я точно должна помнить, что у меня большие карие глаза, они очень темные, мой взгляд кажется мне тяжелым. Я должна была привыкнуть к прямой форме носа, его слегка вздернутому кончику, немного кривым бровям и пухлым губам. Но я не привыкла – у меня вечное ощущение, что чего-то не хватает, что-то неправильное происходит, а я не могу вспомнить и соответственно противиться этому.

Мама говорит, что я красавица, папа утверждает, что я похожа на свою бабушку, брат молчит и до мяса обгрызает ногти. Он голубоглазый блондин, между нами разница в три года, и мы абсолютно не похожи. Но Марсель единственный, к кому у меня на каком-то инстинктивном уровне просыпается тяга и ощущение родства. Когда же я смотрю на остальную свою родню, в голове пусто. Нет никакого зова крови или узнаваемости. Ничего. Я посмотрела миллион детских фотографий, записей, выслушала целую кучу рассказов – например, о том, что я засыпала только с отцом, хватая его за указательный палец, или о том, как любила без спросу пользоваться маминой косметикой и примерять ее туфли. А может, о том, что дедушка приезжал каждые весенние каникулы и мы отправлялись в Диснейленд.

Таких историй слишком много, и самое ужасное, что я не припоминаю ничего из вышесказанного. Все так перемешалось, что я даже не в состоянии понять, помню ли я хоть что-нибудь или в моей голове лишь ярко вспыхивают кадры придуманной для меня жизни. Расказанной мне жизни. Я даже не уверена, что мне девятнадцать лет, не уверена, праздновали ли мы мой день рождения неделю назад. Я действительно родилась в ноябре? Я сомневаюсь, что мое настоящее имя Адель, и все, что происходит не является кошмаром.

Я натягиваю на себя майку, делая это крайне аккуратно, стараясь не наклоняться и не напрягать живот. Две недели назад в приступе безысходности или скорее умопомрачения я порезала себя. Мое тело казалось мне не родным. Я так отчаянно хотела добраться до сути! Мне казалось, что под кожей скрываюсь настоящая я. Я лишь жаждала вспомнить, понять, принять и убедиться. Я взяла канцелярский нож, встала перед зеркалом и медленно, с каким-то диким удовольствием вонзила его в кожу, а после миллиметр за миллиметром разрезала ее. Под ней была кровь – значит, я жива. Я чувствовала боль – значит, я живу. Я смотрела, как красные капельки стекают вниз по животу, и не могла оторвать взгляда от собственной крови. Это зрелище загипнотизировало меня. В нем было некое животное наслаждение. Но в комнату без стука зашел Марсель, и ужас в его глазах сработал отрезвляюще. Брат помог мне обработать рану, а после молча покинул комнату.

Рана до сих пор болит, и это странное ощущение, но я получаю удовольствие от этой физической боли. Внутри меня все настолько разрушено, переломано, моя душа до такой степени потеряна, что я не знаю, где искать ее и найду ли я вообще ответы на не дающие мне покоя вопросы. А эта боль реальна. В отличие от всего остального в моей жизни она настоящая. Я не просила брата не рассказывать родителям – он сам промолчал. Марсель практически с ними не разговаривает, а когда говорит, его речь чаще всего груба и нетерпелива. Папа сказал мне, что это переходный возраст. Однако я ему не верю. Я никому не верю. У меня нет воспоминаний, но некое шестое чувство, интуиция, подсказывает мне не верить.

Мама готовит на кухне. По ее словам, это мой любимый завтрак: омлет с грибами и сыром, французские тартинки и зеленый чай. Еда напоминает резину, я стараюсь прожевать ее, прочувствовать весь вкус и прислушиваюсь к своим ощущениям. Вкусно ли мне? Ощущаю ли я наслаждение? Я чувствую рвотный рефлекс и быстро запиваю все чаем. Неловко улыбаюсь маме и слабыми пальцами отодвигаю тарелку, бормоча:

– Спасибо.

Но мама не сдастся: она ставит передо мной клубничное варенье и тосты, излюбленные французские тартинки, которые, опять же по ее словам, я обожаю.

– Съешь хоть их, тебе нужно принять таблетки, – просит она, хмуря брови. – Раньше ты так хорошо ела, я все переживала, что поправишься, но, видимо, растущий организм знает, что к чему.

Измученная улыбка на ее лице меня раздражает. Мне и жалко ее, и в то же время я не могу перестать над ней издеваться. Я не в том состоянии, чтобы как ни в чем не бывало проглатывать пищу, не могу притворяться, будто мне вкусно, а на душе спокойно.

Я ерзаю на стуле и предпринимаю последнюю попытку: откусываю кусочек хрустящего багета, обильно намазанного маслом и вареньем и опять быстро хватаю чашку и делаю жадный глоток чая. Мама шумно вздыхает, но тарелки из-под моего носа забирает и выходит в кухню. Я тоже облегченно выдыхаю – я люблю оставаться одна. В комнатах в такие моменты появляется больше воздуха и на плечи не давит чужое присутствие. Но, к сожалению, меня крайне редко оставляют одну.

Я делаю очередной глоток чая и думаю, что он, пожалуй, приятный. Мне нравится нежный аромат жасмина, а также что он слегка горчит, ведь я пью его без сахара. Я допиваю все до последней капли, и в комнату вновь входит мама.

– Я попрошу Себастьяна рассказать тебе об анорексии и ее последствиях. Если ты думаешь, что я все это выдумала, то сильно ошибаешься.

Со временем ей стало сложно сдерживать злость и раздражение.

Себастьян – это мой психотерапевт. Я не знаю, что хуже: иметь дело со мной или с моей матерью. Я, по его словам, не иду на контакт, а она, пожалуй, слишком сильно на него давит, ожидая прогресса. В любом случае я ему крайне не завидую.

– Себастьян сказал, что худеть в девятнадцать-двадцать лет для девушек нормально. Переход из подросткового возраста, детский жир покидает тело и прочее... – устало объясняю я.

– Худеть на двенадцать килограммов – это нормально? – нервно шипит она. – В таком случае нам стоит поменять доктора.

Я поднимаю глаза и встречаюсь с ее разъяренным взглядом; мне становится страшно, ведь я только стала привыкать к Себастьяну, к его маленькому кабинету, белым стенам и участливому голосу.

– Я не пойду ни к какому другому доктору, – сиплю я, не сдерживая слез.

Мама закрывает глаза, и по выражению ее лица я понимаю, что ей становится стыдно.

– Извини, не сдержалась, – тихо начинает она и усталым жестом убирает светлые волосы назад. – Я просто очень сильно переживаю за тебя. – Говоря это, она обнимает меня и целует в лоб.

Я чувствую тепло и безопасность. Именно те чувства, которые, по словам Себастьяна, вызывают матери у детей. Но мне почему-то этого недостаточно. Ощущение, будто в сердце игла и кто-то ею шевелит, не давая мне расслабиться и успокоиться. Я не могу отделаться от чувства, будто мне нагло врут или утаивают нечто очень и очень важное. Нечто такое, без чего я никогда не обрету себя. Ощущение, будто я не просто забыла что-то, а скорее будто оторвали большую часть меня с кровью и мясом и беспощадно вышвырнули в неизвестном мне направлении.

* * *

В четыре часа мне звонит Прюн. Даже не глядя на экран, я знаю, что это она. Прюн – единственный человек, помимо моей семьи, который когда-либо вспоминает о моем существовании. Я решаю проигнорировать ее звонок. По словам моей мамы, мы с Прюн Альбо – лучшие подруги с детства. Но при виде мадемуазель Альбо я испытываю далеко не радостные чувства. Скорее напротив, она меня раздражает и я чувствую неприязнь. Я также почти не нашла наших общих фотографий. Я посмотрела ее соцсети, в которых вообще нет ни одной нашей общей фотографии. Крайне странно для лучших подруг, но, с другой стороны, откуда мне знать, что и как делают подруги. Как выяснилось, у меня вообще нет страничек в социальных сетях. Мы обнаружили это вместе с Себастьяном, который предложил мне почитать свои старые посты и просмотреть фотографии в соцсетях. Тогда мама сказала, что я не увлекалась демонстрацией своей жизни из-за отца, так как он популярный политик и любая моя публикация тут же просматривалась бы всеми, кому не лень. Себастьян отметил, что профили бывают закрытыми, но, как стало известно, у меня и такого не было. Что, конечно, нас огорчило, так как не осталось никакой ниточки, ведущей в мою прошлую жизнь, помимо тех, что давали мне родители. Мой телефон и ноутбук были абсолютно новыми, мне пришлось регистрироваться везде с нуля, так как родители не знали ни одного пароля – ни от почты, ни от iCloud или appleID. В эпоху цифровых технологий я оказалась за бортом цивилизации.

В комнату входит мама; она высокая, очень худая и выглядит старше своих лет, но это только из-за излишней худобы. Несмотря на морщины вокруг глаз и у рта, она все равно красивая, интересная женщина. И не идеальной красотой манекенщицы, скорее в ней скрыта необъяснимая изюминка. Вы не найдете ни одного человека на этой земле, который, рассматривая ее, назвал бы красивыми отдельные черты, но также не найдете и людей, которые в целом не увидят ее красоты. Все черты ее лица крупные: большие карие глаза, довольно-таки широкий нос и крупный рот. Но у нее есть то, что отсутствует у миллиона женщин. Уверенность в своей притягательности, особенности. Прямые плечи и гордая осанка: даже сейчас, когда с ее доче-

рю творится непонятно что, она излучает силу, уверенность и, как бы странно ни было, надменность. Мне кажется, она и меня воспитывала так же, будто я не просто девочка, а особенная девочка. Я иногда ловлю в зеркале свой собственный гордый взгляд и понимаю: эта привычка живет где-то глубоко во мне. Уверенность в своей значимости и особенностях.

Есть вещь, которую очень сложно забрать у человека, – характер. С ним мы рождаемся, воспитываемся и умираем. У кого-то он есть, кто-то его вырабатывает, но факт остается фактом: если в тебе есть стержень, ничто никогда его не сломает. Ни потеря памяти, ни незнание того, кто ты есть. Ты ощущаешь свой характер, свою силу на каком-то животном уровне.

Мама садится напротив меня с ноутбуком в руках, она вроде как писательница. Я не помню, читала ли я когда-нибудь ее книги, но, открыв недавно одну из тысячи, поняла, что не осило и половины. Ей я об этом не сказала, а она, в свою очередь, изрядно удивилась, увидев у меня в руках томик в мягкой обложке с причудливым названием «Поцелуй тьмы». Если вбить в гугле имя моей мамы, мы увидим ссылку на моего отца-политика, а также рейтинги бестселлеров, две экранизации 10-летней давности и миллионную армию ее читателей, но я, похоже, никогда не была в их числе. Зато я нашла в своей комнате другие книги: «Анну Каренину» Толстого, «Братьев Карамазовых» Достоевского, «Тошноту» Жана-Поля Сатра – и прочитала их с большим удовольствием. Я бы не сказала, что была в восторге от этих книг, скорее они навевали мне новые мысли, размышлять о которых было крайне интересно.

– Дорогая, – обращается ко мне мама, – Прюн только что прислала эсэмэс с просьбой напомнить тебе, что вы сегодня идете на выставку. – Она заглядывает мне в глаза. – Конечно, если ты хорошо себя чувствуешь и хочешь выйти из дома.

Я никуда не хочу идти: каждый раз, когда я оказываюсь в компании Прюн и ее друзей, у меня возникает ощущение, что они надо мной издеваются. Будто пользуются тем фактом, что я ничего не помню, и начинают рассказывать какие-то бредовые истории... как, например, я однажды засунула себе в нос тампоны и ходила так по школе. Все их рассказы сопровождаются диким гоголем. Да и в достоверность их слов верится с трудом. Но мама обожает Прюн и очень ей благодарна за то, что та периодически меня куда-то выводит.

– Я останусь дома, – говорю я и решаю подняться к себе в комнату.

Мама провожает меня взглядом; я знаю, ей хотелось бы, чтобы я пошла. Наконец обрела нормальную жизнь и начала двигаться дальше. Но я не могу... Дверь в комнату брата открыта, я решаю зайти и посидеть вместе с ним.

Марсель учился в закрытой школе в Англии и звонил мне каждый день. Две недели назад он приехал домой погостить, а три дня назад и вовсе вернулся с чемоданами и сказал отцу, что запишется в школу по месту жительства. Дома начался скандал, но мой брат не вел диалога. Он пошел, купил себе учебники и сейчас изучает их. Видимо, английская программа значительно отличается от французской, потому что он проводит все свое свободное время за этим столом и почти никуда не выходит. А еще у меня смутное ощущение, что он вернулся ради меня. Возможно, мой порез напугал его сильнее, чем мне хотелось. Даже если мы не особо разговариваем, находиться с ним в комнате в разы приятнее, чем с другими. Я очень рада тому, что он дома. Рядом с ним я чувствую себя спокойнее. Марсель читает учебник по биологии, я рассматриваю хромосомы, нарисованные в книге, и у меня вырывается:

– Интересно, я правда хотела пойти учиться на юриста?

Марсель молчит и пожимает плечами. Он практически никогда не отвечает на мои вопросы, потому что, точно так же как и я, ничего не знает.

– Ты хотела уехать в Африку волонтером, университет не был в твоих планах, – неожиданно признается он и поворачивает ко мне голову. – Только не говори родителям, что я тебе рассказал, а то они слишком усердно пытаются вылепить из тебя дочь мечты.

– Которой я не являлась? – с горькой усмешкой спрашиваю я, и Марсель ободряюще улыбается:

– Зато ты была сестрой мечты.

Я киваю и не знаю, что ответить.

– Значит, меня увлекало волонтерство и Африка... Может, ты знаешь еще какие-нибудь мои секреты?

Марсель на секунду задумывается:

– Ты ненавидела Прюн, а она тебя. Причины я не знаю, но на твоём месте я бы держался от нее подальше. – Он хмурится и тихо добавляет: – А еще ты планировала летом сделать тату на лопатке. Но, наверное, не успела. Я подслушал твой разговор – ты искала мастера на юге Франции.

– Насчет Прюн я догадывалась. А вот тату... Интересно... даже не представляю, что именно я хотела наколоть...

Мой брат улыбается. Жаль, что он младше и, насколько я поняла, мы учились в разных школах и не были особо близки, в противном случае он не скрывал бы от меня ничего и точно все рассказал.

– Феникс, – отвечает он и тут же уточняет: – Не птицу, а созвездие. По телефону ты говорила какому-то человеку, что соединишь свои родинки на лопатке и они наконец станут полноценным созвездием.

Марсель выжидающе смотрит на меня, словно ждет того момента, когда я скажу: «Помню». Но, к моему горькому сожалению, этого не происходит, и вместе с тем приходит некое разочарование и злость на саму себя.

– Ладно, не буду мешать тебе делать уроки.

Он огорченно кивает и вновь склоняется над книгами. А я быстрыми шагами направляюсь к себе в комнату, встаю перед огромным позолоченным зеркалом, стягиваю кофту и рассматриваю свою спину. Действительно, на лопатке россыпь родинок. Я пошатываюсь, словно ощутив чужие пальцы в том месте. Одновременно в голове мелькает образ парня с пронзительными голубыми глазами. Они сосредоточенно смотрят в мои, а чуть тонкие губы с хрипотцой произносят: «Феникс».

Глава 2

Луи

Я всегда пребывал в предвкушении лета. Считал месяцы, недели, дни до заветных каникул. И с мыслью «свобода» и легкостью на сердце отправлялся в дом, расположенный на одном из самых знаменитых мысов юга Франции – Антибах. У этого особняка своя история. Когда-то королева Виктория проводила здесь три летних месяца. После знаменитая пара: несостоявшийся король Англии Эдвард и его супруга Уэсли, коротко называвшие себя просто WE. Это был любимый дом его жены, она обустроила его на свой американский вкус с французским шиком на английские деньги, и, конечно, он был прекрасен. Но в начале Второй мировой войны они поспешили убраться отсюда. Что происходило с домом в период страшной войны, я не знаю. Но по ее окончании особняк выкупил греческий миллиардер Аристотель Онассис. Говорят, в доме бурлили южные страсти, измены с лучшими подругами жены, битье эксклюзивного фарфора, и в конце концов последовали развод и продажа.

Когда этот дом купил мой дед, он пребывал в упадке, лишь тень истории делала его заманчивым и интересным. Но Матье Кантель любил создавать красивые вещи. Он полностью отреставрировал старинный белый фасад. Каждая колонна, балкончик и завитушка вновь стали прекрасными. Дом будто бы благодарил нового хозяина и засверкал на холме новой жизнью, хоть и старинной красотой. Он стоял на выступе, и открывался невероятный вид на бирюзовое, не знающее границ море. В доме всегда царил сквозняк, и запах соленого моря летал вместе с белыми занавесками. Высокие потолки, огромное пространство комнат – здесь я мог дышать полной грудью и чувствовать лето каждой клеточкой.

Нас всегда было трое: я, Роза – экономка, следившая за домом, – и ее муж Педро, садовник. Они были португальцами, чьи семьи эмигрировали во Францию во времена Франсуа Помпиду. Роза утверждала, что ей не нужен штат горничных, чтобы содержать этот дом в должном виде, а мне было уютно с ними двумя. Эта пара заменяла мне родителей на все каникулы, а все остальное время я проводил в закрытой французской школе имени Блеза Паскаля. Я тихо ненавидел это учреждение и чувствовал себя крайне одиноким и несчастным. Об Адель я слышал с самого детства благодаря Розе, которая воспитывала девочку до шести лет. А после она вышла замуж за Педро, который работал садовником на юге Франции, и переехала к нему, то есть в наш дом. Родители Адель и она поддерживали тесную связь; я периодически слышал смешные истории о ее детстве: было видно, что Роза, у которой не было собственных детей, очень любила девочку. Даже не зная Адель лично, я все равно проникся к ней теплыми чувствами, ведь глаза Розы так сверкали каждый раз, когда она рассказывала мне про эту несносную девчонку.

Когда мне было девять лет, мой дедушка решил нанять охрану. Его подтолкнули слухи о многочисленных кражах, происходящих на юге Франции. Так я познакомился с Хуго, он был здоровым мулатом под два метра. Его нашла Роза: выяснилось, что они кем-то друг другу доводятся. Мать Хуго была португалкой, а отец выходцем из Африки. С виду Хуго был грозным, суровым, даже злобным. Он занялся установкой камер наблюдения и сигнализации. Я, если честно, сторонился его, но вскоре мы очень тесно сдружились. Первое впечатление было весьма обманчивым: за суровым фасадом скрывался добродушный мужчина.

А еще чуть позже Хуго привез к нам избитого мальчишку – Артура Бодера. Мы были с ним ровесниками; очень скоро я узнал, что Артур жил в гетто и кто-то заставлял его продавать наркотики, ведь белых мальчишек практически не проверяют. Артур отказался,

и его очень сильно избили. Хуго был его соседом; сжалившись над ним, он забрал его с собой. Никто не был против. Мы очень быстро с ним подружились. Белый мальчик из черного гетто, одиночка без друзей, с кучей врагов. Богатый мальчик с родовой фамилией и темным пятном в виде двух наркоманов родителей, который никогда не вписывался в идеальную буржуазную обстановку. Мы были чужими в своих мирах. Но кто-то там сверху решил сделать нам маленькую поблажку и свести наши судьбы. Артур Бодер стал моим самым лучшим другом, а я отплатил ему той же монетой. Я, как сейчас, помню: он протянул мне по-взрослому руку и представился:

– Артур.

Я пожал его кисть и ответил:

– Луи.

Это было началом. Маленьким ростком, из которого впоследствии выросло целое дерево.

Хуго был спортсменом, все лето он тренировал Артура, учил его защищаться и давать сдачи. И даже обещал по приезду в Париж записать в секцию бокса. Меня же спорт никогда не увлекал. Я всегда наблюдал за их тренировками, но не влезал, скорее ждал окончания, чтобы наконец занять Артура другими делами.

Это стало традицией. Каждое лето Хуго и Артур возвращались в дом на юге. Каждое лето мы вновь встречались и дружили так, словно и не были весь учебный год вдали друг от друга. Мы росли вместе, открывали для себя что-то новое. Зеленые, ничего не знающие, мы строили из себя взрослых. В какой-то момент мы оба очень вытянулись, и на нас стали обращать внимание девочки постарше. Частенько мы тупили, были невероятные провалы, когда мы пытались познакомиться с понравившейся девчонкой, но язык прилипал к небу, а здравые мысли покидали голову. Но мы справились и в 15 лет уже гуляли с девушками постарше, а на вопрос: «Ты делал это раньше?» – кивали утвердительно и уверенно. Клянусь, мы бы даже детектор лжи обдурили. А после в шоке рассказывали друг другу:

– Господи, она засунула туда палец.

Или:

– Ты не представляешь, что она вытворяла своим языком, а еще и с шампанским...

Словом, наша летняя жизнь преобразилась.

Так прошло десять лет, а после окончания школы дедушка сказал, что я буду учиться в бизнес-школе в Тулузе. Я никогда не спорил с ним, старался тихо выполнять, что от меня требовалось. Я напоминал ему сына-неудачника, и мы крайне редко общались. Он занимался своей жизнью, а я приезжал на Рождество, с натянутой улыбкой встречая свою семью, и вновь уезжал обратно. Артур же в 16 лет оставил школу, решив полностью посвятить себя спорту. У него получалось. Он занимал первые места в юношеских соревнованиях. Хуго гордился им.

Возможно, многое изменилось, но не наше лето. Даже спустя десять лет после знакомства мы оба приезжали в домик на юге. Когда нам было по двадцать лет, произошла первая перемена. За завтраком Роза сказала, что Адель, та самая девочка, с которой она сидела до шести лет, хочет приехать и повидать ее. Мой дедушка, конечно, был не против: он так доверял Розе, что вопросов у него никогда не возникало. Поэтому Роза решила провести с нами воспитательную беседу.

– Девочка – подросток, у нее в данный момент сложности в общении с родителями. Поэтому она едет сюда. Ей всего шестнадцать лет, поэтому вы двое не вздумайте морочить маленькому ребенку голову. Все ясно?

Артур и я переглянулись, а после заржали в голос.

– Будь спокойна, Роза, малыши нас не привлекают.

Она одарила нас своим фирменным устрашающим взглядом.

– Я не хочу, чтобы она почувствовала себя одиноко, покажите ей тут все, хорошо? – Это не было вопросом, скорее приказом.

Конечно, мы с Артуром не планировали особо возиться с малявкой. Но мы никогда не были эгоистичными снобами.

– Покажем все в лучшем виде, – успокоил ее Артур.

И мы в тот же вечер свинтили на очередную тусовку. Мы с Артуром никогда не пили крепкий алкоголь и не принимали наркотики. Он был спортсменом, а я... От слова «наркотик» мое сердце начинало до одури колотиться, руки потели, а голова становилась тяжелой. Наверное, так бывает, когда знаешь, что твой отец умер от передоза. Возможно, так случается, когда дома спустя тысячу лет царит скорбь утраты, когда твой дедушка на тебя даже не смотрит, потому что ты напоминаешь ему об этой боли. Когда ты не можешь вспомнить черты своего отца, ты ненавидишь наркотики так сильно и так яростно, что вместе с ненавистью приходит и страх. Ведь он пытался бросить, проходил курсы реабилитации, клялся, божился, но они все равно оказались сильнее. Что же в них такого? Почему они рушат жизни? Вопросы, которые не давали мне покоя.

Но нам не нужны были наркотические вещества, чтобы веселиться. В свои двадцать лет мы были молодыми и упивались этой молодостью. Артур – высокий, крепкого телосложения, брюнет с невероятно пронзительными голубыми глазами. На лице загар, волосы выгорели на солнце, он улыбался, и белый ряд ровных зубов оттенял его кожу, а глаза сверкали на фоне темных волос. Я же зеленоглазый блондин, одного роста с Артуром, чуть худее, но жилистый, упругий. Волосы покрывали мочки ушей, на солнце сверкали золотом. Мы никогда не скучали, мы брали от жизни все, что она нам дарила. А жизнь, та еще прекрасная дева, – она нас любила, как никого и никогда.

* * *

То лето омрачил приезд моей матери. Если мой отец умер, то мать оказалась умнее. Она периодически лежала в клиниках, восстанавливалась, а затем вновь принималось за старое. За несколько дней до приезда Адель она расхаживала по особняку в полупрозрачной накидке и уделяла слишком много внимания Артуру. Она заигрывала с ним открыто, не стесняясь ни разницы в возрасте, ни того, что он друг ее сына, – словом, у этой женщины не было абсолютно никаких моральных ценностей. Артур ей нагрубил, сказав надеть на себя что-нибудь, поскольку вид ее старого тела не вызывает в нем ничего, кроме отвращения. Вот такой был Артур: многие называли его невоспитанным хамом, но он просто-напросто был честным и не терпел никакого рода издевательств. За это и за многое другое я очень сильно уважал его. Моя мать уехала в тот же вечер в Монако, ей стало с нами слишком скучно. Помню, мне было так стыдно за ее поведение, что я не мог открыто смотреть Артуру в глаза. Он подошел ко мне, положил руку на плечо и, заглядывая мне в глаза, твердо сказал:

– Я забыл, и ты забудь.

И на этом была поставлена точка.

* * *

А затем настал день X. Я прекрасно помню: мы, как два истукана, остановились перед белым джипом, откуда стремительно вылетела дикая фурия в ярко-красном платье с длинными темно-каштановыми волосами, покрывающими всю спину. Ее платье было коротким и обтягивающим, а ноги длинными и на вид спортивными, она не выглядела хрупко, скорее маняще-сексуально. Изгиб бедер, линия талии, высокая упругая грудь... А волосы, густые, тяжелые, слегка развевались на вечернем ветру. Я помню, как она посмотрела на каждого

из нас с легким любопытством и наигранным безразличием. А еще я помню дикую дерзость в глубине темных глаз. Ей было шестнадцать, она была младше нас на целых четыре года, но смотрела с такой насмешкой, будто перед ней трехгодовалые дети гольшиом прыгают в бассейн. Мне на всю жизнь вонзился в душу ее взгляд и нахальное выражение лица. А еще у нее был проникновенный голос, с низкими нотками, не писклявый девичий, а, напротив, взрослый и притягательный. В нем не чувствовалось нервозности, неуверенности. Скорее легкое высокомерие. А когда она улыбалась, в недрах ее карих глаз плясали чертики, а полные губы так соблазнительно приподнимались, что хотелось тут же ее поцеловать. Я отругал себя за собственные мысли.

– Ей всего шестнадцать? Чем кормят нынешнее поколение? – шепотом спросил меня Артур с иронией в голосе.

– Добро пожаловать! – сказал он Адель с хрипотцой, и я толкнул его в бок: он всегда добавлял низости своему голосу в общении с девушками. Очень часто ему говорили, что у него красивый голос.

Адель приподняла бровь, и я понял, что, возможно, именно эта мысль только что и пронеслась у нее в голове. А затем она покраснела. Сумасбродная Адель, та, что могла одним взглядом поставить на место кого угодно, та, которой неведомо, что такое неловкость и стыд, на наших с Артуром глазах становилась ярко-красной, прямо под убийственный цвет своего платья.

– Я Артур, а этот чудик – Луи, – продолжал знакомство Бодер более дружеским тоном.

Она стеснительно улыбнулась. Подняла свои прекрасные глаза на Артура и тихо представилась:

– А я Адель.

Артур улыбнулся своей неповторимой улыбкой, и на его правой щеке показалась ямочка.

– Приятно познакомиться, Адель.

Он чмокнул ее в обе щеки, румянец поплыл по ее коже, захватывая и шею, жилка на которой быстро пульсировала. Я последовал его примеру. Мило улыбнулся и произнес:

– Мы тебя очень ждали!

Она не успела мне ответить – счастливый визг Розы привлек всеобщее внимание.

– Вот вы и встретились, – выбегая из кухни, радостно закричала Роза, тут же схватила в охапку свою любимицу и принялась крепко обнимать.

«Вот мы и встретились», – пронеслось у меня в голове эхом под громкие возгласы Розы и Адель. Вот мы и встретились...

Адель

Несмотря на гору таблеток, что принимаю, я очень плохо сплю ночами. Весь день брожу по дому, словно зомби. Мама бесконечно трондит о сегодняшнем благотворительном мероприятии, на котором мы обязаны присутствовать всей семьей. Я слышу об этом вечере весь последний месяц, но до последнего надеялась, что меня оставят дома, ссылаясь на то, что я нездорова. Но все гораздо сложнее; у меня сложилось впечатление, что родителям необходимо продемонстрировать меня высшему свету: глядите, мы все еще идеальная семья.

– А как тебе вот это платье? – в очередной раз спрашивает мама, и я пожимаю плечами:

– Никак.

Все платья, которые она мне показывает, слишком консервативны. Все черные, классического покроя, и ни одно из них мне не идет.

– Я похожа на бесформенную бочку, – хмурясь, говорю я, а мама приглаживает мне волосы, ласково шепча:

– Милая, оно тебе так идет.

Я отхожу на шаг, и ее рука повисает в воздухе.

– Я выгляжу в нем как убитая горем вдова? Почему все черное?

– Есть еще в горошек с плиссированной юбкой, – сообщает она и показывает мне его.

Я еле сдерживаюсь, чтобы не закатыть глаза. Неужели я носила такие вещи? И если да, возможно ли, что с потерей памяти у меня полностью изменился вкус?

– Примерь, а я пойду проверю, как там твой отец, – неловко улыбаясь, говорит она и выходит из комнаты, а я в очередной раз тихо ругаюсь себе под нос, бросая взгляд на оставленное ею платье.

Марсель стоит в дверном проеме и грустно усмехается.

– В самом деле, она купила его в магазине «Модные бабушки», – шутит мой братишка, и уголки моих губ приподнимаются в улыбке.

– Марсель, нынче и бабушки такое не носят.

– Я бы на твоём месте открыл свой шкаф, у тебя наверняка остались наряды поярче и посовременней.

Я смотрю на себя в черном платье: длина его доходит до щиколотки, оно не подчеркивает моего тела, а напротив, висит мешком. Я кажусь себе такой унылой и некрасивой в нем.

– Я любила ярко одеваться?

Марсель кивает:

– Да, как тот еще попугай, но тебе на удивление шло.

Он направляется к моему шкафу и начинает перебирать вещи.

– Ты вообще пересматривала свое барахло?

Я качаю головой:

– Использую лишь то, что в комод, а те вещи, что висят... не знаю, я еще не привыкла, что все в этой комнате мое.

Если честно, мне очень страшно смотреть на принадлежащие мне вещи и не узнавать ничего. Конечно, в глубине моего сердца таится любопытство, но страх пока что сильнее.

– Если честно, я бы посоветовал тебе остаться дома, однако понимаю, что у тебя нет выбора.

– Идти, конечно, никуда не хочется, но я справлюсь. Напугаю всех своим траурным видом, буду мило улыбаться людям, которые меня помнят, но которых не помню я. Если мне повезет, то услышу не одну историю из собственной жизни. А когда все наиграется, сольюсь со стенами и буду делать вид, будто меня не существует.

Марсель поворачивает голову и заглядывает мне в глаза.

– Обещаю, буду всегда рядом, не отойду от тебя ни на минуту.

– Спасибо, но это не изменит того факта, что все будут смотреть на меня с наигранной жалостью, спрашивать, как мое здоровье, и желать скорейшего выздоровления. Большинство из моих ровесников, которые будут присутствовать на вечере, я не переношу на каком-то интуитивном уровне. Может, ты в курсе, почему у меня вообще не было друзей?

– У тебя были друзья, но они... в общем, я не знаю, почему Прюн и ее компашка тебя не переносят, но поверь мне: ты классная, а значит, проблема в них.

– Ну спасибо, – фыркаю я, и Марсель мне подмигивает:

– Всегда пожалуйста.

– Я просто хочу сказать, что за жалостливыми взглядами скрывается самое настоящее злорадство. Я чувствую это. Мама утверждает, что мне все мерещится. Но, Марсель, я потеряла память, а не здравый смысл. А если плюс ко всему я припрусь в этом платье старой девы, то это станет лучшим днем в жизни той же Прюн.

– Да-а, мама всю жизнь мечтала напаять на тебя что-то такое, а еще волосы в косичку заплести. Не поддавайся.

Марсель достает фиолетовое платье в пайетках на тонких бретельках. Оно короткое и с открытой спиной.

– Если она скажет, что это неуместно, ответь: «Мы идем на благотворительную тусовку, а не на похороны». Ты всегда так делала. И у тебя где-то были фиолетовые блестящие полусапожки к этому платью.

Я беру у него из рук вешалку:

– Красивое.

– В прошлом году ты в шутку сказала, что это платье приносит тебе удачу.

– А может, это была не шутка?

– Ты не веришь в удачу, Адель, – серьезно отвечает братишка.

– А во что я верю, Марсель?

– В человеческую силу.

Я озадаченно хмрю брови:

– В каком смысле? Я была агрессивной?

Марсель усмехается:

– Да нет, ну, не считая случаев, когда я съедал без спроса твои киндеры. А насчет удачи...

Ты верила в собственные силы, верила в себя, и тебе не нужна была мнимая удача, чтобы достичь цели.

– Ну, возможно, если бы я хоть капельку верила в удачу, она бы сжалилась надо мной и я не оказалось бы девятнадцатилетней барышней с амнезией, которая не помнит ни целей, ни желаний – словом, ничего.

Марсель пожимает плечами, но ничего не отвечает.

– Как твой живот? – тихо спрашивает он, опуская глаза.

Я прикусываю губу и тоже прячу взгляд.

– Все хорошо, не переживай, даже не знаю, что на меня нашло...

– Не делай так больше, – грустно просит он, – и надень это платье. Пусть все эти сплетники, шепчущие за твоей спиной «бедная Адель», поперхнутся собственной желчью.

Марсель направляется в сторону двери, а я ловлю его за руку:

– Спасибо.

Он нежно хлопает меня по руке:

– К сожалению, я не могу помочь большим.

В его голосе столько жалости. Я наклоняюсь и оставляю смачный и звонкий поцелуй на его щеке.

– Ты уже помогаешь, малявка, – с иронией произношу я, и он, качая головой, выходит из комнаты.

Мне кажется, я практически никогда не вижу его улыбки. Искренней, ребяческой. Ему всего шестнадцать лет, но у него такой взрослый взгляд. Я гадаю, что именно заставило Марселя так быстро повзрослеть: случившееся со мной или воспитание наших родителей.

Я раздеваюсь, аккуратно отлепляю пластырь и рассматриваю свой порез. Он до сих пор красный, все еще болит. Я вновь обрабатываю ранку и приклеиваю новый. Сובлазн порезать себя вновь очень велик, но меня останавливает образ Марселя. Ужас в его глазах и просьба больше так не делать. По коже бегут мурашки, а в голове проносится слово «сумасшедшая». Однако у меня нет настроения заниматься самокопанием. Я надеваю платье, и у меня дух захватывает – оно идеально. Мне нравятся мои открытые плечи, линии ключиц, длина шеи. Я следую совету Марселя и нахожу полусапожки; они на каблуках, но мне в них удобно. Платье обтягивает мои крутые бедра, наверняка раньше оно сидело на мне как влитое, сейчас же немного велико, но это не портит вида. Я распускаю волосы, и они каскадом падают на спину, закрывая ее. Я чувствую себя сексуальной, притягательной, манящей, красивой.

Мама входит в комнату без стука и застывает, увидев меня.

– Адель, это несколько неуместно, – говорит она.

– Мы не на похороны идем, а на вечеринку, – пожал плечами, отвечаю я.

– Милая, в следующем году выборы. Ты же знаешь, твой отец очень долго к этому шел. Мы не можем его дискредитировать.

– В чем заключается дискредитация? В том факте, что я выгляжу как молодая девушка своего возраста?

– Переоденься, – строго просит она, не отвечая на мой вопрос.

– Я ведь не одевалась до амнезии в те вещи, что ты мне покупаешь сейчас? – вырывается у меня грубее, чем мне хотелось бы.

– Какая разница, как ты одевалась до аварии? Сейчас это платье абсолютно неуместно, – раздраженно повторяет мама.

Я резко разворачиваюсь и встречаюсь с ней взглядом.

– Есть разница. Если я ничего не помню, это не значит, что я безвольная кукла, которой ты имеешь право управлять, как тебе вздумается.

Мама недоуменно смотрит мне в лицо, и я вижу, как лопается ее терпение.

– Послушай, я так долго готовила этот вечер, я столько сил вложила в это дело, твой отец работает по шестнадцать часов в сутки, а ты не можешь надеть подходящее платье и перестать играть на наших нервах?

– Я не хочу надевать ни одно из тех платьев, не заставляй меня.

– Переоденься! – Она повышает голос и тяжело вздыхает. – Кукла... немислимо! Тебя послушать, мы всегда во всем виноваты! Но знаешь что? Не обманывай себя. Такую эгоистку еще поискать надо. Отец последние три года работает как проклятый, а она не хочет надевать платья! Всегда только о себе и думаешь.

Марсель просовывает голову в дверной проем и прерывает ее тираду.

– Кажется, в доме все налаживается, – произносит он с иронией, – уже слышались былые песни. И, Адель, ты прекрасно выглядишь! – Он присвистывает и под убийственным взглядом мамы, усмехнувшись, выходит из комнаты.

– Я не хочу никому доставлять проблем, но я или не пойду вообще, или пойду в этом платье. Я не надену ничего из того ширпотребя, что ты мне купила.

Мама выходит из комнаты и громко хлопает дверью. А я, опершись о стенку, шумно вздыхаю. Да, я выплеснула на нее эмоции, накопившиеся за все эти месяцы. Однако и ее реакция меня озадачивает. Неужели я частенько доставляла им проблемы? Что значит: «Ты всегда была эгоисткой, только о себе и думаешь»? Возможно, моя реакция кажется ей не совсем адекватной. Но я и так ничего не помню, зачем путать меня еще больше? Зачем рассказывать мне, что Прюн – моя лучшая подруга, что я планировала поступать на юрфак? Зачем одевать меня в вещи, на которые я бы никогда не посмотрела? Меня переполняет такая злость! Я не помню себя, не понимаю происходящего, и я отчетливо осознаю, что мне чего-то недоговаривают. Я выхожу из комнаты, хочу найти мать и в итоге прийти к общему решению: иду я на эту дурацкую вечеринку или остаюсь дома?

Я подхожу к отцовскому кабинету, поднимаю руку, чтобы постучать, но тут же замираю.

– Я был против, но ты все равно рассказала ей, а она вновь забыла. Что ты хочешь, чтобы мы сделали? Сколько бы она ни злилась, память не возвращается к ней только из-за нее самой. Значит, она не готова, – раздраженно произносит папа.

– Послушай, я вижу, как она замыкается в себе, смотрит на нас с недоверием. Мы должны что-то предпринять.

– Она придет в себя.

– А если нет? Если она никогда не вспомнит? Что мы будем делать тогда?

– Тогда, возможно, это к лучшему! В конце концов, если бы она нас слушала, не попала бы ни в какую аварию! – повышает голос отец и стучает по столу. – Сколько всего мы вытерпели из-за нее! Может, незнание убережет ее...

Он не успевает договорить: звонит телефон, и он отвечает на звонок, а я слышу звуки шагов и как можно быстрее стараюсь скрыться.

Я, словно в тумане, бреду по коридору. Мне что-то рассказали, но я забыла об этом. Почему? От чего именно убережет меня незнание? Что именно папа имел в виду, когда сказал, что это к лучшему? Марсель! Быть может, он что-то знает...

Я быстрыми шагами поднимаюсь к нему. В комнате моего брата всегда чисто, на столе аккуратно сложены учебники, а его самого нет. Я нахожу его на кухне, он что-то печатает в телефоне. Я подхожу к нему со спины.

– Марсель, можно тебя на секунду? – решаюсь я привлечь его внимание.

Он так резко подскакивает на месте, что мне становится не по себе.

– Извини, не хотела пугать.

– И не напугала, – говорит он, пряча телефон в карман.

Марсель подходит ко мне и заглядывает в глаза, будто пытается понять, прочитала ли я его переписку.

– Все хорошо, я ничего не видела.

– А я ничего не скрываю, – запинаясь он и спрашивает: – Что-то случилось?

– Давай поднимемся в твою комнату, у меня есть несколько вопросов.

Марсель напрягается, но не отказывается. Мы молча идем в сторону лестницы, и я ловлю на себе взгляды наших горничных.

– Я очень рада, что Вам лучше, – шепчет Мари, отвечающая за домашний персонал, пожилая, но очень шустрая и живая женщина.

Я ничего не отвечаю, лишь одабриваю ее улыбкой.

Марсель входит в комнату, и я закрываю за нами дверь.

– Интересно, почему она решила, что мне лучше... – бормочу я себе под нос.

– Потому что ты наконец выглядишь прежней. Но это все неважно. Что у тебя за вопросы?

Он начинает наматывать круги по комнате.

– Ты что, нервничаешь?

– Конечно, нет ничего хуже, чем вопросы.

– Ладно, расслабься, это дело тебя не касается, я услышала родительский разговор...

Если вкратце: папа говорил маме, что они мне что-то рассказали, но я снова забыла. А затем что мое незнание, возможно, к лучшему, так как убережет меня. Вопрос номер один: как можно забыть то, что тебе рассказали? Вопрос номер два: от чего именно меня оберегают?

Марсель останавливается.

– Ты помнишь свои сны? – неожиданно спрашивает он.

Я хмурюсь:

– К чему вопрос?

– Каждую ночь ты бормочешь, а порой и вовсе кричишь два имени. Ты знаешь какие?

Я ошарашена его заявлением.

– Нет, но как можно кричать и не помнить об этом? Я точно кричу?

Марсель не кажется удивленным.

– Все потому, что твой мозг блокирует воспоминания. Однажды ты запомнила эти имена и спросила про них у мамы. Далее был обморок, ты оказалась в больнице, и врачи очень испугались, что ты впадешь в кому. Поэтому та информация, которую тебе рассказывают сейчас, профильтрована. Твой психотерапевт сказал, что ты вспомнишь все сама, как только будешь готова.

– Подожди, как это мозг блокирует? Зачем?

Мой брат пожимает плечами:

– Если бы я знал... врачи говорят о психологической травме. Такое и правда бывает, я перерыл весь интернет. Тебя что-то очень шокировало, огорчило до такой степени, что мозг ставит блок, лишь бы тебе не было больно. Но проблема заключается в том, что никто, кроме тебя, не знает, что именно произошло.

– Себастьян сказал мне, что я попала в аварию. Но у меня нет никаких физических повреждений. Разве такое возможно? Попасть в аварию и остаться полностью целым?

Марсель кивает:

– Возможно. По крайней мере, насчет аварии можешь быть уверена.

Я присаживаюсь на край его постели и тру виски.

– Голова идет кругом, иногда мне кажется, что я умру, ничего не вспомнив, – честно признаюсь я. – Но почему папа сказал, что будет к лучшему, если я не вспомню?

Братишка выглядит задумчивым.

– Адель, родители многое утаивают ради твоей безопасности. Но и не только, – Марсель запинается, – знаешь, семьи бывают разные. Мы не выбираем ни отца, ни мать. Иногда люди слишком эгоистичны и руководствуются лишь своей личной, персональной выгодой. Например, после произошедшего с тобой несчастного случая все газеты пестрели заголовками о том, как наш отец отменил все встречи из-за произошедшей с дочерью трагедии и уделяет все свое время семье. Для народа он стал более человечным, понятным, в глазах французов заделался образцовым семьянином. Отцом семейства с правильными ценностями. А тем временем он провел пятнадцать минут в больнице: выстроил вокруг тебя охрану, две минуты уделил врачу, а остальные тринадцать стоял перед дверями госпиталя и позировал журналистам. Я не хочу сказать, что он не любит нас. Но не доверяй безоговорочно никому из нашей семьи. Они могут воспользоваться ситуацией и использовать тебя ради достижения своих целей. Ты понимала это до аварии, и ты защищала меня всячески от их давления, – признается он.

– Если не верить собственной семье, то кому еще, Марсель? – в сердцах спрашиваю я.

– Себе, Адель. Только себе.

– Тебе всего шестнадцать лет, откуда в тебе столько...

– Столько?..

«Грусти и разочарования», – думаю я, но не произношу это вслух.

– Ничего, Марсель.

Он не настаивает на ответе.

– Мне нужно позвонить, я понимаю, что не ответил на твои вопросы.

– Ты очень сильно мне помогаешь, – говорю я искренне: у меня сложилось впечатление, что Марселю важно помочь мне. – Ты помогаешь мне больше всех на свете. Но у меня все же есть последний вопрос. Ты сказал, что все заголовки пестрели о случившемся. Я умею пользоваться интернетом, но почему нет никаких подробностей аварии? Как она произошла, были ли пострадавшие? Откуда яехала одна в такой поздний час?

– Потому что их скрыли от прессы. На нашего отца работает не один фиксер³, а, наверное, целая футбольная команда...

– Фиксер? Это еще что такое?

Марсель хмыкает:

– Если глобально – человек, решающий все проблемы. Не бери в голову, Адель. Интернет тебе тут не поможет. Я пойду?

Я ничего не отвечаю, лишь киваю. Чем больше узнаю, тем явственнее ощущаю себя потерянной. Если собрать все по кусочкам, выходит крайне неприятная картинка. У меня не просто амнезия, у меня чертова психологическая травма, я кричу ночами, но даже и этого не помню.

³ Фиксер – наемный координатор на месте событий; понятие используется чаще всего в журналистике.

Мои родители пытаются слепить из меня то, кем я не являюсь, потому что человек, которым я была раньше, явно доставлял им уйму хлопот. Я решаю, что сегодня ночью я запишу себя на телефон. Если я кричу, то услышу, что именно, какие имена пытается спрятать от меня мое собственное сознание...

Мама больше не сказала мне ни слова на тему моего внешнего вида, папа, одарив хмурым взглядом, напомнил, что сейчас ноябрь, на улице холодно, и попросил набросить на себя что-нибудь сверху. Он вообще мало со мной разговаривает, чаще всего говорит мне только две фразы о том, что я красавица и что он меня любит. Словно весь его словарный запас в общении со мной заканчивается на этом. Мне даже интересна искренность этих высказываний. Кто-то назовет меня неблагодарной, однако говорить о любви и показывать любовь – абсолютно разные вещи. Первое делать очень просто, а второе слишком сложно.

В поисках накидки я нахожу у себя в шкафу белый полушубок и верчу его в руках. Он мягкий и красивый. Я даже представляю, как будут блестеть мои темные волосы на фоне белоснежного меха. Но внутри все-таки появляется неприятное чувство, мне становится жалко зверька, с которого содрали кожу.

– Шуба из искусственного меха, – улыбнувшись, говорит мне Марсель, как всегда просовывая голову в дверной проем. – Я постучал, но ты не ответила.

– Откуда ты знаешь, что из искусственного? Выглядит очень правдоподобно.

– До аварии для тебя это было принципиально, и, судя по выражению лица, что я видел секунду назад, ничего не изменилось. Green pease, и все дела.

– Понятно, green pease – дело хорошее, – шучу я. – А ты что-то хотел?

– Не совсем, мама и папа уже на пределе. Пора выходить из дома.

Я накидываю полушубок на плечи, захватываю маленький клатч и довольно смотрю в зеркало. Даже если я потеряла память, я все еще могу выпрямить спину, задрать вверх подбородок и лишь одним своим видом указать всем недоброжелателям их место.

* * *

Вечерами Париж прекрасен; моросит мелкий дождик, и сквозь окна автомобиля многочисленные огни города сливаются с капельками. Мы проезжаем мимо мостов и Нотр-Дама.

– Интересно, как скоро его отреставрируют? – бормочет себе под нос Марсель.

Я ничего не отвечаю, я видела, как отец выступал с довольно-таки пафосной речью, в которой назвал собор фениксом и сказал, что он обязательно восстанет из пепла. А я тогда подумала, что в мире все настолько хрупко и ломко, если несокрушимый символ несколько часов горел и никто ничего не мог сделать. Символ народа, страны, веры... Возможно, мне стоит перестать гневаться на судьбу и принять случившееся со мной. В жизни происходят вещи гораздо хуже. Несокрушимые символы крушимы. Нет ничего бессмертного.

Машина останавливается перед красивыми коваными воротами, за которыми виднеется роскошный особняк.

– Чей это дом? – тихо спрашиваю я.

– Нашего дедушки, – отвечает братишка.

В салоне автомобиля повисает неловкое молчание.

– То, что у меня амнезия, не сюрприз ведь? – пытаюсь отшутиться я, но Марсель единственный, кто усмехается.

– Да, начнется представление, – тянет он, когда мы выходим из машины, и я хватаю за руку.

– Пожалуйста, не отходи от меня, – прошу я, беспокойно оглядываясь по сторонам. Как же мне не по себе...

Артур

Сзади особняк не выглядит столь величественно, как спереди. И так всегда: люди слишком заиклены на фасаде, а что творится за кадром, для них не играет никакой роли. Но не для меня. Мне не столь важна красивая картинка, сколь содержание. Возможно, некоторые решат, что я, бедный парень из гетто, всего лишь завидую и критикой пытаюсь успокоить свои комплексы. Но дело не в зависти, я всегда знал, что могу добиться в этой жизни всего сам. У меня была цель в отличие от большинства богатеньких деток. Ради своей мечты я был готов, не жалея сил, работать и получал ни с чем не сравнимое удовлетворение, добиваясь желаемого. Ведь этот успех целиком и полностью принадлежал мне. Не моему отцу, матери или семье, в которой мне посчастливилось родиться. А мне – Артуру Бодеру. Да в моей душе не было ни капли зависти, скорее некая злость из-за несправедливости этого мира. От этого никуда не уйдешь, и так будет всегда. Кто-то сорит деньгами без всякой необходимости, а кому-то на ужин нечего есть. Этот гнев я хранил в самом сердце, он придавал мне силы, он помогал мне бороться и не опускать руки. Только благодаря своей исступленной злобе я никогда не сдавался.

Марсель встречает меня у черного входа. Глянув на часы, он удовлетворенно кивает:

– Ты пунктуален.

– Ну и каков план? – интересуюсь я, и он пожимает плечами:

– Будем импровизировать, но пока хотелось бы тебя подготовить. Во-первых, если вдруг Адель упадет в обморок, сразу же вызываешь скорую и сообщаем мне. Телефон оставляешь рядом с ней и сам уходишь, понял? Не надо играть в рыцаря и оставаться: ты ей все равно не поможешь, а вот в тюрьму на пять лет угодишь.

Я только открываю рот, чтобы перебить его, но парнишка наглым образом не дает мне этого сделать и продолжает:

– Я говорю – ты слушаешь. Я не твоя мамочка, чтобы воспитывать. Ты в любом случае сделаешь как захочешь. Так вот, второе: если при виде тебя ничего не произошло, то не надо падать перед ней на колени и слезно, пуская сопли, рассказывать ваше прошлое.

Я бросаю свой фирменный взгляд на Марселя:

– Я похож на парня, который будет такое вытворять?

Он ехидничает и, приподнимая бровь, заявляет:

– Любовь делает людей непредсказуемыми.

Мне хочется послать его и стереть эту наглую улыбочку с его лица, но я решаю не тратить ни сил, ни энергии.

– Так мне тут ее ждать? Что ты вообще придумал?

– Да, здесь. Выбрав удобный момент, я скажу Адель, что хочу выйти подышать свежим воздухом, а по дороге абсолютно неожиданно мне приспичит в туалет, и я попрошу ее подождать снаружи.

Я закатываю глаза:

– И это весь твой план?

Марсель разводит руками и самодовольно заявляет:

– Все гениальное просто.

– Чертов гений, а сколько мне ждать под ливнем, ты тоже решил?

– Нет, приятель. Тут по обстоятельствам, но, как говорится, настоящую любовь можно ждать вечность.

– Еще одна шуточка на эту тему, и я тебе врежу, – ухмыльнувшись, предупреждаю я, и парень нахально улыбается:

– Правда глаза колет, да? Ладно, не кипятись, я пошел, держи телефон при себе. И серьезно, ничего сам не рассказывай ей, прошлый раз чуть не закончился комой. Она должна вспомнить сама.

Я замираю:

– Какой еще комой?

Марсель прикусывает губу, словно жалея о сказанном. Нахмурившись, он все-таки решает пояснить:

– Самой обыкновенной, Артур. Той, из которой не все выходят.

Я сжимаю кулаки:

– Твою мать, почему ты не сказал мне об этом раньше? По-твоему, одного моего вида недостаточно, чтобы это случилось?

Я боялся, что она упадет в обморок, но что это дело может закончиться комой...

– Успокойся, это было целых два месяца назад. За это время ее организм должен был окрепнуть.

– А если нет? – рычу я. – Я сваливаю!

– А если да? А если один твой вид поможет ей? А если еще что-нибудь? Ты серьезно хочешь играть со мной в эти «если»? У тебя есть шанс помочь ей, но ты, конечно, можешь струсить, найти оправдание для своей совести и свалить к чертям собачьим.

– Или же я могу просто-напросто сделать так, что она впадет в кому! – Я повышаю голос и гневно смотрю на Марселя. – О чем ты только думал?

Он не прячет взгляда, скорее с вызовом приподнимает напряженный подбородок:

– На моих глазах она резала себе живот канцелярским ножом. Она, черт бы ее побрал, вонзила его себе в кожу и просто разрезала живую плоть. Понимаешь? – Его голос звучит тихо, но твердо. А в глазах виден страх. – Она не в себе, но все вокруг делают вид, будто не замечают этого. Так удобнее.

Я молчу, не зная, что ответить. Марсель опускает голову.

– На самом деле, идея увидеть тебя принадлежала ее психотерапевту. Просто папа настолько не хочет слышать твое имя, а видеть тем более, что он запугал его и всех окружающих вариантом с комой. Но давай смотреть правде в глаза: риск есть всегда и во всем. И лично я склонен считать, что долбаный психолог, получающий четыреста евро в час, знает, о чем говорит. Мне нужно идти, надеюсь, твоя истерика закончена. В любом случае ты знаешь, где выход. – Он замолкает и тихо добавляет: – Прими правильное решение, Артур.

Он уходит, и я остаюсь совсем один на заднем дворе у черного хода. Периодически вижу, как включается и выключается свет в коридоре, ведущем к этой двери, но силуэт в окне не мелькает. Я не могу уйти – не после того, что сказал мне Марсель. Я видел страх в его глазах, страх за родную сестру, близкого человека. Он боится ее потерять. Гоню плохие мысли прочь... не могу поверить, что она сделала такое с собой.

Я замерз до костей и стараюсь наматывать круги в маленьком дворике, даже решил немного попрыгать, но ничего не помогает. Я не чувствую пальцев рук и ног. Стараюсь унять волнение. В голове не укладывается, что она может впасть в кому от одного моего вида. Но, возможно, ее брат прав, и если инициатива исходила от врача, то у этого всего, может быть, есть смысл. Марсель бы не просил о помощи, если бы я не был его последней надеждой.

В тот момент, когда я готов отправить сообщение с нецензурной бранью и сказать, что получил обморожение десятой степени, дверь открывается... И я абсолютно не готов ее увидеть. Три месяца я грезил, как вновь загляну ей в глаза. Но сейчас мое сердце замирает, и мне стыдно признаться, но я испытываю страх.

Адель не сразу замечает меня, дверь за ее спиной громко закрывается, и она пытается найти ручку.

– О господи! Эта дверь открывается только снаружи, что ли?! – восклицает она.

– Да, – коротко отвечаю я, и она резко оборачивается.

Адель выглядит удивленной при виде меня, она явно не ожидала здесь кого-то увидеть. На улице очень темно, я практически не вижу ее лица, но свет из коридора освещает очертания ее фигуры в легком платье.

– Ты замерзнешь, – говорю я охрипшим голосом. Не знаю, зачем я произношу именно это, однако вид ее голых плеч и спины повергает меня в ужас. На улице же так холодно, как она могла выйти под ливень в таком виде?..

Она замирает, словно сказанные мною слова ввели ее в ступор. Я готовлюсь к самому худшему, моя фантазия уже представляет ее распластанной на земле с кровью из носа. Я нащупываю телефон в кармане, намереваясь набрать 18⁴ как можно скорее. Но Адель ошеломляет меня: она быстрыми шагами направляется в мою сторону, вплотную прижавшись, обдает меня своим запахом, заглядывает в лицо и шепчет:

– Феникс.

⁴ 18 – номер для вызова скорой помощи во Франции.

Глава 3

Луи

Приезд Адель внес нечто новое, непривычное, необычное и незаурядное в наше лето. Мадемуазель де Флориан стала глотком свежего воздуха для всех. Она должна была провести у нас месяц, и я был счастлив как никогда. Между мной и Адель в одно мгновение возникла связь. Нам двоим не нравился тот мир, в котором мы родились. С Артуром я не мог говорить на эту тему по одной простой причине: он назвал бы меня избалованным мальчишкой, который не знает, что такое настоящие проблемы. Да и я понимал, что в мире, откуда родом Артур, проблем и правда больше и они более насущные, реальные, нежели мое самоощущение и комплексы. Но Адель понимала, что это такое, когда тебе в лицо улыбаются, а за спиной поливают грязью. И, будучи искренним человеком, она действительно недоумевала, как так можно. Ее взаправду огорчало такое отношение, и в конечном итоге она, как и я, стала отдаляться от людей и никому не доверять. Мы были абсолютными единомышленниками. Мне кажется, она была безмерно рада знакомству со мной, ведь за всю свою жизнь первый раз нашла человека, который безоговорочно понимал ее. Это те чувства, которые испытывал и я.

Адель мне очень нравилась, вся целиком – от глубоких карих глаз до того, как хмурились ее брови, когда она сосредоточенно о чем-нибудь думала. Я любовался тем, как она одевалась. Адель носила только юбки и платья, никаких шорт и брюк. Я мог часами заглядываться на ее ноги, которые с каждым днем все больше золотели на солнышке. А россыпь веснушек на аккуратном вздернутом носике была моей маленькой слабостью. Я любил смотреть, как она, выбирая яркие цвета, красит себе ногти на ногах и руках, а затем ходит, аккуратно растопырив пальцы, чтобы не испортить лак. А еще у нее была целая коллекция винтажных купальников в стиле пин-ап, и я не мог понять, какой мой любимый. Красный в белую полоску или белый с желтыми цветами, а может, розовый в горошек. Я мог вечно любоваться тем, как она загорает у бассейна, накрыв лицо соломенной шляпкой. Адель была очень изящна, и от нее исходило некое женское тепло, которое очень сложно описать.

Артур тоже быстро нашел с ней общий язык; хотя они частенько спорили, но неприязни друг другу не испытывали. Она порой смешно вела себя в его присутствии, а он часто называл ее «мелкой», отчего она злилась. У них был схожий характер, оба уверены в своей правоте, очень гордые и не терпящие, чтобы им указывали. А вот сами они любили контролировать ситуацию и окружающих.

Бывали дни, когда они доводили друг друга до белого каления. Я хохотал над ним, над ней и умолял Господа, чтобы все и дальше было именно так. Чтобы она оставалась для него «мелкой», а он для нее «занозой в заднице». И я даже успокоился и наслаждался невероятным летом, когда оба моих самых близких человека находились рядом. Я был не один, не думал о своей настоящей семье, ведь со мной были они – мои родные люди.

Однажды ночью мы решили поплавать в бассейне. Я включил подсветку, и прекрасная мозаика на дне и вода загорелись нежно-голубым светом. Вокруг бассейна в ряд стояли лежаки, а по углам дворика росли четыре пальмы, на которых горели гирлянды. Ночь была тихой и очень теплой; мы вышли, приготовив соки, печенье, чипсы и даже мороженое. Адель несла чашу с фруктами. Она обожала фрукты и всегда ими пахла. Я помню, как она упивалась вкусом сладкого персика, сок стекал по ее подбородку и капал вниз. Мне хотелось подойти

к ней, провести пальцем по маленькому ручейку и попробовать его на вкус. Мы купались долго, нарушая тишину ночи, кричали, смеялись, толкали друг друга. Сбросили в бассейн все надувные игрушки, которые Педро каждый вечер складывал в огромный плетеный ящик. Он говорил, что они мешают воде очищаться, и вечно ругал нас, если мы оставляли их на ночь.

Устав, мы вылезли, придвинули близко лежаки и смотрели в черное, усыпанное миллионами звезд небо. Голова кружилась от такого обилия огней. Адель увлеченно рассказывала что-то о своей школе, затем, замолчав, произнесла:

– В этом году я вычеркнула из жизни свою лучшую подругу.

Артур поднял на нее свои глубокие голубые глаза и спросил:

– Она заслужила?

Адель повела плечом и выпрямилась на лежаке.

– Она отбила у меня парня, ну, или не совсем отбила. Мне нравился мальчик, мы сходили два раза погулять, а потом он предложил встречаться Прюн. Я знаю, что она звонила ему и всячески пыталась привлечь его внимание.

– Так у тебя был парень или нет? Что значит «отбила, но не совсем»? – спросил я.

– Ну, мы не целовались даже, просто он мне нравился. Это все неважно теперь. Самое неприятное, что Прюн сделала это специально.

– Специально отбила его?

– Да, я даже думаю, он ей не особо нужен. Она сделала это, чтобы насолить мне, и от этого обиднее всего.

Карие глаза Адель засверкали, она быстро улыбнулась, стараясь скрыть свое расстройство. Конечно, нам с Артуром казались нелепыми переживания пятнадцатилетней девочки на тему неудачника парня, который запутался между двумя подругами. Однако она действительно переживала, и по какой-то необъяснимой причине мы оба не могли на это просто так смотреть.

Артур протянул руку и потрепал ее по голове – бестолковая попытка успокоить.

– Порой люди будут тебя разочаровывать, не нужно тратить на них свои силы. Через некоторое время ты даже забудешь, как ее звали, – уверенным тоном заявил Артур и вновь неуклюже провел рукой по каштановым волосам.

– Мы дружили с трех лет, – грустно сообщила она.

– Вот и запомни лучшее из этих лет и иди вперед, – улыбнулся ей Артур и продолжал: – Ты слишком классная для таких дурацких подруг.

– А что за мальчик? – встрял я в разговор, мне было слишком любопытно, кто мог понравиться такой дерзкой девчонке, как Адель.

– Могу показать его фотку, – сказала она и потянулась за телефоном.

– Где? – спросил я, имея в виду, что Адель нет в соцсетях.

В этом с Артуром они тоже были похожи: «Скажи «нет» соцсетям, живи в настоящем!» Или же, скорее, им не нравилось делиться своими жизнями. Но не мне: на моей страничке я оставлял лучшее из своей жизни, и периодически мне казалось, что это и есть вся моя жизнь.

– У меня в телефоне есть, – буркнула она, и ей явно стало неловко оттого, что она оставила себе снимок.

Адель передала мне телефон, и я уставился на фотографию смазливого блондинчика в круглых очках и с убийственно огромными растопыренными ушами. Он выглядел даже младше Адель, что частенько бывает с шестнадцатилетними парнями. Я не смог сдержаться и дико засмеялся, разглядывая это чудо.

Адель не ожидала такой реакции и, будто читая мои мысли, произнесла:

– Нечего так смеяться, он очень умный! Прямо очень-очень, а еще воспитанный.

Но мой смех невозможно было унять, а ее комментарий насмешил меня еще больше. Я согнулся в три погибели, хохоча, заикаясь и сказал:

– И очень-очень ушастый!

Она стукнула меня, а я, задыхаясь от смеха, продолжал:

– Ты слишком красива для этих ушей.

Артуру стало интересно, отчего у меня такая истерика, он забрал из моих рук телефон и посмотрел на фотографию.

– Не верится, – хмыкнув, сказал он. – Вот из-за него, – тыча пальцем в экран и делая театральную паузу, продолжал Артур, – поссорились две цыпочки.

– Мы не цыпочки, – зло бросила Адель, пытаясь выхватить трубку у него из рук. – В жизни он гораздо лучше, и верни сейчас же мне телефон!

Артур потянул телефон на себя, освобождая его от цепких пальцев Адель, и вновь уставился на фотографию.

– Вот это уши! – Ирония так и сквозила в его голосе. – Всем ушам уши. Маленький Дамбо!

От его реплики я стал еще громче смеяться. Артур тоже захохотал.

– Луи, мы должны были учиться в их школе. Если там из-за ушастика кипят такие страсти, представь, что бы происходило, будь мы там, – самодовольно пошутил он.

– Ты бы отбивал от меня фанаток и стал моим личным телохранителем!

– Таких ослов, как вы, и так хватает в нашей школе. Она вообще ими пропитана.

– А, теперь я понял, – поглядывая на Адель, сказал Артур. Его глаза сверкали, а губы были приподняты в издевательской усмешке. – Такие уши – это типа редкость, да? Раритет? Хватай и наслаждайся своей особенностью? Только у тебя есть парень с такими оттопыренными ушами?

Я опять начал дико ржать, Артур тоже засмеялся, а Адель сидела и испепеляла нас взглядом.

– Внешность – это не главное! – гневно заорала она, и было видно, что ей действительно неприятно.

Мы с Артуром переглянулись и перестали смеяться. Мы абсолютно точно не хотели ее обидеть. Артур наклонился к ней и, заглядывая в глаза, сказал:

– Внешность, конечно, не главное, но этот ушастик погулял с одной подружкой и перешел к другой. Никакого характера, силы воли и мужества. У него нет ни одного качества, за которое его можно уважать, проявлять симпатию или держать его фотографию у себя в телефоне. – Произнес последние слова, Артур нажал на маленькое ведерко на экране, удалил фотографию и только тогда передал телефон Адель. – Ты заслуживаешь чего-то лучшего, а твоя подруга – нет. Забудь и не думай о них.

Адель смотрела на него со смесью удивления и благодарности. А я, все еще пребывавший в огромном впечатлении от этих ушей, испустил смешок:

– Ты определенно заслуживаешь лучшего, чем эти уши.

Адель стукнула меня по плечу, но в ее взгляде уже не было злости.

– Адель, умоляю тебя, призрак этих ушей будет преследовать меня всю жизнь. Теперь, когда я захочу подойти к красивой девчонке и буду сомневаться в своих возможностях, буду вспоминать, что на этой земле ходит парень с во-о-от такими ушами, и ничего: на него клюнуло две девчонки. Так что и у меня есть все шансы! Будь то Белла Хадид или чертова Дженнифер Лоуренс. Ты! – указывая на нее пальцем и повышая голос, произнес я. – Ты только что подарила мне эту веру! Ты и эти невероятные уши! Я никогда вас не забуду! Вы изменили мне жизнь! Открыли глаза! Теперь я больше никогда не буду прежним стеснительным мальчишкой!

В конце моего выступления Адель смеялась так громко и так звонко, что, должно быть, мы разбудили всех соседей. Это в ней мне тоже безумно нравилось. Она смеялась очень-очень громко. Не как истинная леди: никогда не пыталась усмирить свои эмоции. Скорее напротив – она отдавалась им полностью.

Она повернулась к Артуру спиной и обняла меня, быстро, едва уловимо, но я запомнил ощущение ее рук на своей шее.

– Спасибо! – с улыбкой на лице поблагодарила она. И я был горд собой, как никогда в жизни.

– У тебя на лопатке созвездие Феникса, – неожиданно сказал Артур. – Я серьезно. Если соединить твои родинки линиями, то точно получится созвездие.

Адель с любопытством посмотрела в его сторону:

– Созвездие чего?

– Феникса. – Он поднялся и побежал в дом. – Я сейчас, мигом.

Он вернулся с ручкой и попросил Адель:

– Иди сюда.

Она встала перед ним, он убрал ее волосы со спины на плече. Я тоже приподнялся и подошел к нему, следя за его движениями. Он провел несколько прямых линий от одной родинки к другой, и на лопатке впрямь появилось созвездие.

– Это точно Феникс, – произнес Артур, повернув голову в мою сторону.

Его ладонь была на спине у Адель, и я видел, как ее кожа покрывается мурашками. Ночь была удивительно теплой даже для лета. А мурашки все бежали и бежали по ее коже. Она сделала неловкий шаг вперед, и его рука упала.

– Так у меня что, настоящее созвездие на лопатке? – попыталась спросить она как ни в чем не бывало, но я заметил румянец на ее щеках.

– Похоже на то, – произнес я и потянул ее на лежак. – Ты девочка-звезда!

– Скорее девочка-звезды, – поправила она меня, присаживаясь рядом. – Созвездия состоят из нескольких звезд.

Я положил ей голову на плечо:

– Звездная девочка.

Адель усмехнулась, но мне было уже не так весело, как раньше. То, как она покрывалась мурашками от одного прикосновения Артура... беспокоило меня.

– Спасибо вам, парни, – неожиданно тихо произнесла Адель. – И за звезды, и за уши, и за этот вечер. У меня на душе стало легче.

Я посмотрел на нее: ее голова была поднята к бескрайнему звездному небу. Она выглядела счастливой, и тогда я тоже успокоился и попробовал поймать этот момент – без глупых назойливых мыслей и сомнений, которые так и вертелись у меня в голове.

– Знаете, ловить момент и наслаждаться им – это великое искусство, – вдруг сказала Адель, словно читая мои мысли. – И пожалуй, это единственное, чему бы я действительно хотела научиться, – призналась она.

– *Carpe diem*⁵, – произнес я.

– Именно, – ответила она, опуская голову и взглядываясь в мои глаза. У нее были такие прекрасные глаза, а ресницы, длинные и пушистые, загнуты чуть ли не до бровей.

– Предлагаю летом заняться этим искусством, – подал голос Артур.

– Чем именно? – спросил я, немного потеряв нить разговора.

– Ловить момент, – ответили они в один голос с довольными улыбками.

А я смотрел на них и думал, что мне так чертовски сильно повезло с ними! С Артуром и Адель. И я был готов на все, тем более ловить момент.

⁵ *Carpe diem* – крылатое латинское выражение, означающее «лови момент», «живи настоящим».

– Уговорили! – провозгласил я официальным тоном, и они усмехнулись.

Адель

Голос. Я узнаю его по голосу. Проникновенный, глубокий, с легкой хрипотцой. В голове проносится слово «Феникс».

Я заглядываю ему в глаза, и меня словно бьет молнией: я абсолютно точно помню этот взгляд. Чистые, кристальные глаза цвета морской волны. Я не знаю, как его зовут, не помню, как мы познакомились. Но этот взгляд словно отпечатан в моем сердце.

Холодный ветер дует в спину, и дрожь пронизывает все тело, но я не могу пошевелиться.

– Созвездие Феникс, именно ты показал мне его, – шепчу я, не в силах оторвать взгляда от его лица.

Парень хмурится, широкие брови сходятся на переносице. Я чувствую, как капли текут по голой спине и рукам, холод проникает под кожу.

– Ты сейчас насквозь промокнешь, – говорит он и отступает к двери.

Я следую за ним, внимательно разглядывая своего собеседника. Он выше меня, на нем темные линялые джинсы, старые кроссовки и насквозь промокшая спортивная куртка.

– Ты заболеешь, – обеспокоенно бормочет он и тут же расстегивает и протягивает мне куртку, оставаясь в одной майке. Широкие плечи опускаются под сильным ветром, накачанные руки покрываются мурашками.

– Надень. Уверен, Марсель скоро вернется.

Он не смотрит на меня, опускает голову, словно боится поднять глаза.

– Откуда ты знаешь Марселя?

Он молчит, мой же взгляд падает на его разбитые костяшки. Перед глазами слегка темнеет. В голове словно вспыхивает что-то, и я ощущаю острую боль, которая тут же проходит. Это похоже на мимолетный взрыв в мозгу. Рука сама по себе тянется к его кисти, я хватаю ее и как безумная шепчу:

– У боксеров костяшки стачиваются, становятся немного плоскими, а не острыми, как у нормальных людей. – Я запинаюсь и заглядываю ему в глаза. – Откуда у меня в голове эта информация?

Сердце, словно птица, колотится в груди, пока он молча натягивает мне на плечи свою куртку. Она внутри теплая и пахнет чем-то очень знакомым, но я не могу понять, чем именно. Не могу распознать этот запах, но вместе с ним приходит и желание укутаться в него. Я вижу, как его серая майка темнеет от капель дождя, и он вздрагивает.

– Черт возьми, полнейший идиотизм, – сквозь зубы тихо бормочет он себе под нос и что-то печатает в телефоне.

– Ты ничего мне не скажешь? – спрашиваю я таким тоном, словно умоляю его поведать мне хоть что-то. Любую мелочь.

Мне крайне сложно контролировать собственные эмоции. Жалость в моем голосе пугает даже меня, мне кажется, для меня это крайне несвойственно. Он озадаченно поднимает голову, заглядывает мне в лицо и замирает. В его взгляде столько чувств и они так перемешались, что мне сложно их расшифровать. Я вижу радость, которая тесно переплетена с болью. Словно он счастлив от встречи со мной, но в то же время ему очень больно на меня смотреть.

– Мы же знакомы? – с придыханием спрашиваю я.

Откуда-то появляется странное желание провести рукой по его щеке, заставить его улыбнуться и прогнать беспокойное выражение с лица.

– Знакомы, – хрипло отвечает он и тянется ко мне. На секунду мне кажется, что он погладит меня по голове, но вместо этого он натягивает капюшон.

– Я абсолютно точно знаю тебя, – шепчу я скорее для себя самой, ведь я в первый раз испытываю нечто похожее. Словно я вспомнила, хоть и не до конца.

Я разглядываю линию его подбородка и форму губ в ожидании ответа.

– Ты вообще ничего не помнишь? – спрашивает он с болью в голосе. И я качаю головой.

– Вообще ничего...

Он закрывает глаза и громко матерится. После сильно сжимает кулаки. Вена на его шее напрягается и начинает сильно пульсировать, мышцы рук и челюсть напряжены. Он выглядит очень злым, и мне становится не по себе: я отхожу на шаг назад и оглядываю дворик. В самом конце калитка – значит, есть куда бежать. До меня только начинает доходить, что я стою одна с неизвестным мне человеком. Затуманенный испугом здравый смысл начинает судорожно работать. Судя по его внешнему виду, парень не принадлежит этому месту, да и кто будет мокнуть под дождем на заднем дворе у черного хода? Тот, кто не может войти внутрь. Может быть, он вор? Вор, который снял с себя куртку, чтобы я не замерзла? Я смотрю на него, пытаюсь разгадать, но ничего не выходит. Парень словно чувствует мой страх – он тяжело вздыхает и устало облокачивается о дверь. Он больше не выглядит пугающим, скорее разбитым. Он продолжает стоять на месте, грустно посматривая в мою сторону, не пытаюсь приблизиться ко мне.

– Прости, я не хотел тебя пугать. – Очередной вздох сменяется признанием. – Меня предупредили о твоём состоянии, я знал, что ты потеряла память. Но одно дело об этом слышать и лишь догадываться, как это. Другое: смотреть в твои глаза и понимать, что ты не помнишь меня. – В тоне его голоса столько отчаяния.

Между нами повисает неловкая тишина. Собравшись с мыслями, я спрашиваю:

– Кто ты? – Вопрос кажется мне самым логичным во всей этой сюрреалистичной ситуации.

– Я рассказал тебе о созвездии Феникс, – поглядывая на меня, отвечает он.

Я подхожу к нему, встаю прямо напротив и спрашиваю:

– И кто же тот человек, который рассказал мне о Фениксе?

Я вижу, как его подбородок напрягается и он опускает взгляд.

– Мне сказали, что ты должна вспомнить сама.

Меня так достали эти два слова: «вспомнить сама». А что, если я никогда не вспомню? Что тогда? Мама твердит без конца одно и то же, папа вторит ей, а всю эту идиотскую идею «вспомнить сама» внедрил им в голову мой лечащий врач. Я бы посмотрела, что бы они делали на моем месте! Как бы они вспоминали! Не в силах контролировать эмоции, я со злостью толкаю его в грудь. Его слова были последней каплей, чаша моего терпения переполнена.

– Что именно я могу вспомнить сама?! Как, черт возьми, я должна это делать, а?! Быть может, у тебя есть какое-нибудь руководство, Артур?! Поделись! С радостью им воспользуюсь!

Я резко останавливаюсь и больно прикусываю губу, он тоже замирает, а после подходит ко мне вплотную, носки его потрепанных кроссов упираются в мои модные сапожки. Он едва уловимо касается кончиков моих пальцев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.